

Ровесник

2/73

К НАРОДАМ МИРА

Мы, представители более чем 100 наций и народностей СССР, собравшиеся в Москве в связи с 50-летием образования Союза Советских Социалистических Республик, обращаемся ко всем народам планеты с посланием мира, дружбы и братства.

Трудящиеся Страны Советов, совершив социалистическую революцию и установив рабоче-крестьянскую власть, первыми взялись за реализацию великой цели: сплотить народы огромной страны во имя построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком, положить конец вражде между нациями, организовать их совместную жизнь на основе доверия и дружбы, создать братское единство народов.

От седой древности и до наших дней, через всю историю человечества тянется непрерывная цепь племенных, расовых и национальных конфликтов. Не раз они ввергали страны и народы в пучину бедствий и страданий, обагряли кровью целые континенты. Тысячелетиями лучшие умы бились над тем, как найти выход из такого положения, но наталкивались на глухую стену господства эксплуататоров, которое порождает и поддерживает национальный гнет.

Теперь весь мир — свидетель того, что дерзновенный замысел советских людей, вдохновленных и руководимых Коммунистической партией, осуществлен. Стала явью прекрасная мечта о многонациональном государстве нового, социалистического типа — могучем добровольном союзе свободных народов, спаянных дружбой и братством.

Летопись всех известных до Октября многонациональных государств — это непрерывное обострение межнациональных антагонизмов. Совсем иным является развитие Советского Союза. Это — упрочение его экономических, политических и духовных основ, это — неуклонное сплочение и сближение образующих его народов.

Не чудо, не случайное стечение обстоятельств принесли нам успех, он глубоко закономерен. Советские люди опирались на победу Великой Октябрьской революции. Их вдохновляли начертанные бессмертным Лениным социалистические принципы развития народов в единой многонациональной семье. Их вела и ведет Коммунистическая партия, вооруженная подлинно научной теорией преобразования общества, непоколебимая в своей верности делу рабочего класса, всего трудового народа.

В исторической битве за социализм объединились вокруг рабочего класса трудящиеся всех наций и национальностей нашей страны. Именно на базе социализма их совместными усилиями был в корне уничтожен национальный гнет, преодолена отсталость наций, порожденная их колониальным прошлым. Если весь наш строй и весь наш жизненный уклад проникнуты духом интернационализма, то это благодаря тому, что в нашей стране давно и бесповоротно победили социализм, ленинская политика дружбы народов.

В день полувекового юбилея СССР мы выражаем горячую признательность трудящимся всех стран, которые неизменно демонстрируют свою солидарность с первым в мире социалистическим многонациональным государством.

Наша благодарность обращена ко всем, кто под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» боролся против интервенции империалистических государств; кто выступал вместе с нами в смертельной схватке с фашизмом; кто плечом к плечу с народами Советского Союза, других социалистических стран добивается упрочения мира, срывая преступные замыслы империалистических агрессоров.

Создавая Советский Союз, практически закладывая первые камни в его здание, Ленин, Коммунистическая партия думали о будущем не только нашей страны. Своим взором они охватывали судьбы всего человечества, они были убеждены, что создание социалистического многонационального государства, где нет угнетения и эксплуатации, поможет всем людям земли проложить свой путь к раскрепощению. И оглядываясь на минувшее пятидесятилетие, мы можем гордиться тем, что все эти годы Советский Союз неизменно выступал на стороне тех, кто борется за свободу и счастье народов, делал и делает все возможное для победы их правого дела.

Современную эпоху отличает небывалый в истории масштаб общественных преобразований. Восторжествовавший сначала в нашей стране социализм одержал победу в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, образовалась мировая социалистическая система. Социалистическое содружество выступает как мощная сила всемирного прогресса.

Под могучим напором национально-освободительного движения, вдохновленного примером трудящихся стран социализма и пользующегося их поддержкой, рухнули колониальные империи, и на дорогу самостоятельного развития вышли многие угнетенные в прошлом народы.

Мы горячо приветствуем народы социалистических стран, строящие новое общество.

Мы обращаемся с братским приветом к рабочему классу, к трудящимся в странах капитала, которые добиваются избавления от эксплуатации, от политического и духовного закабаления.

Мы выражаем солидарность с народами, недавно вступившими на путь социального прогресса, с теми, кто в трудной

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

В этом номере читайте материалы об участниках Всемирной встречи трудящейся молодежи — анкету „Так я стал рабочим...“, интервью с молодым профсоюзным лидером; очерк о гватемальском антифашисте.

На первой и четвертой страницах обложки: Чили сегодня. После смены на одной из меднорудных шахт. Стадион в Сантьяго и памятник индейцу Кауполикану, национальному герою Чили, поднявшему восстание против испанских колонизаторов.

борьбе с неоколониализмом и внутренней реакцией твердо отстаивает суверенитет и независимость своих молодых государств.

Ныне в мировую политику вовлечены огромные массы, перед ними открылась реальная возможность самим определять свою судьбу. Идеи социализма, идеи свободы и равноправия народов, идеи национальной независимости овладевают сознанием сотен миллионов. В наше время человечество располагает огромными производительными силами. Научно-техническая революция невиданно ускоряет их развитие, раздвигает горизонты познания.

Для народов все более нетерпимым становится видеть, что многие важнейшие проблемы современного мира не находят решения, а рожденные капитализмом социальные бедствия не только не ликвидируются, но разрастаются. Ведь до сих пор на громадных пространствах земного шара господствует страх перед завтрашним днем, царят социальная несправедливость, национальные и расовые притеснения, роскошь ничтожного меньшинства соседствует с бедностью миллионов. Полуголодное существование остается уделом целых народов. Все это — результат колониализма и империалистического гнета.

Хотя более четверти века человечество не знает мировой войны, для самоуспокоенности нет места. Продолжается позорная агрессия США во Вьетнаме. Американский империализм преднамеренно затягивает подписание соглашения о прекращении войны. Он вновь возобновил варварские бомбардировки территории ДРВ. Гибнут тысячи невинных мирных жителей.

Еще топчут арабские земли израильские оккупанты. Еще оскверняют землю колониальные и расистские режимы. И все это происходит в последней трети XX века.

Советский народ, как и все миролюбивые народы, гневно протестует против преступлений американского империализма на земле Вьетнама. Мы вновь подтверждаем свою неизменную солидарность и решительную поддержку героическому вьетнамскому народу, а также народам Лаоса и Камбоджи и выражаем твердую уверенность в том, что их правое дело победит!

Мы подтверждаем свою решительную поддержку борцам против империалистической агрессии на Арабском Востоке, народам, которые сражаются против колониального господства.

Народам приходится платить многомиллиардную дань милитаризму. Эти средства, столь остро необходимые для мирных, созидательных целей, для повышения жизненного уровня трудящихся, растрачиваются на расширение и модернизацию военной машины, которая в руках империализма остается серьезной угрозой миру.

Все большее значение для человечества приобретает борьба против опасности, связанной с нарастающим ухудшением природных условий, отравлением воздуха, морей и рек, загрязнением городов.

Мы, представители советского народа, обращаемся к народам мира, ко всем людям — независимо от их национальности, вероисповедания и цвета кожи — с призывом объединиться для решения этих назревших проблем.

Мы призываем народы объединить и активизировать усилия во имя сохранения и упрочения мира, ликвидации военной опасности и очагов империалистической агрессии, для претворения в жизнь решений ООН о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навеки ядерного оружия и других средств массового уничтожения людей.

Мы призываем народы объединить и активизировать усилия во имя дальнейшего укрепления позиций социализма, упрочения независимости стран, сбросивших колониальные оковы, полной ликвидации колониального гнета.

Мы призываем народы объединить и активизировать усилия во имя искоренения голода, нищеты, социальной несправедливости, национального угнетения и неравенства.

Мы призываем народы объединить и активизировать усилия во имя защиты культурных и нравственных ценностей человечества от реакционной идеологии, от яда расизма, шовинизма и фашизма.

Мы призываем народы объединить и активизировать усилия во имя сохранения и восстановления природной среды, окружающей человека.

От имени советского народа и перед лицом всего человечества мы торжественно заявляем, что наша страна будет и впредь непоколебимо верна высоким идеалам дружбы народов, свободы и социализма. На основе Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, мы будем неустанно бороться за укрепление социалистического содружества; за дальнейшую разрядку международной напряженности и мирное сосуществование государств с различным общественным строем; за национальную независимость народов, взаимное уважение и дружбу между ними; за улучшение жизни людей труда и социальный прогресс всего человечества.

Пусть восторжествуют прочный мир на земле, свобода и национальная независимость народов! Пусть каждый примет участие в борьбе за эти высокие, гуманные цели! Пусть каждый внесет свой вклад в осуществление сокровенных чаяний человечества: жить в условиях мира, свободы, социального прогресса!

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Обращение «К народам мира» единогласно принято на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР 22 декабря 1972 года.

№ 2

ФЕВРАЛЬ 1973 ГОД (ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ)

СМОТРИТЕ: ПРАГА, ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

МОЛОДОЙ ТРУЖЕНИК ВО ВЕСЬ РОСТ

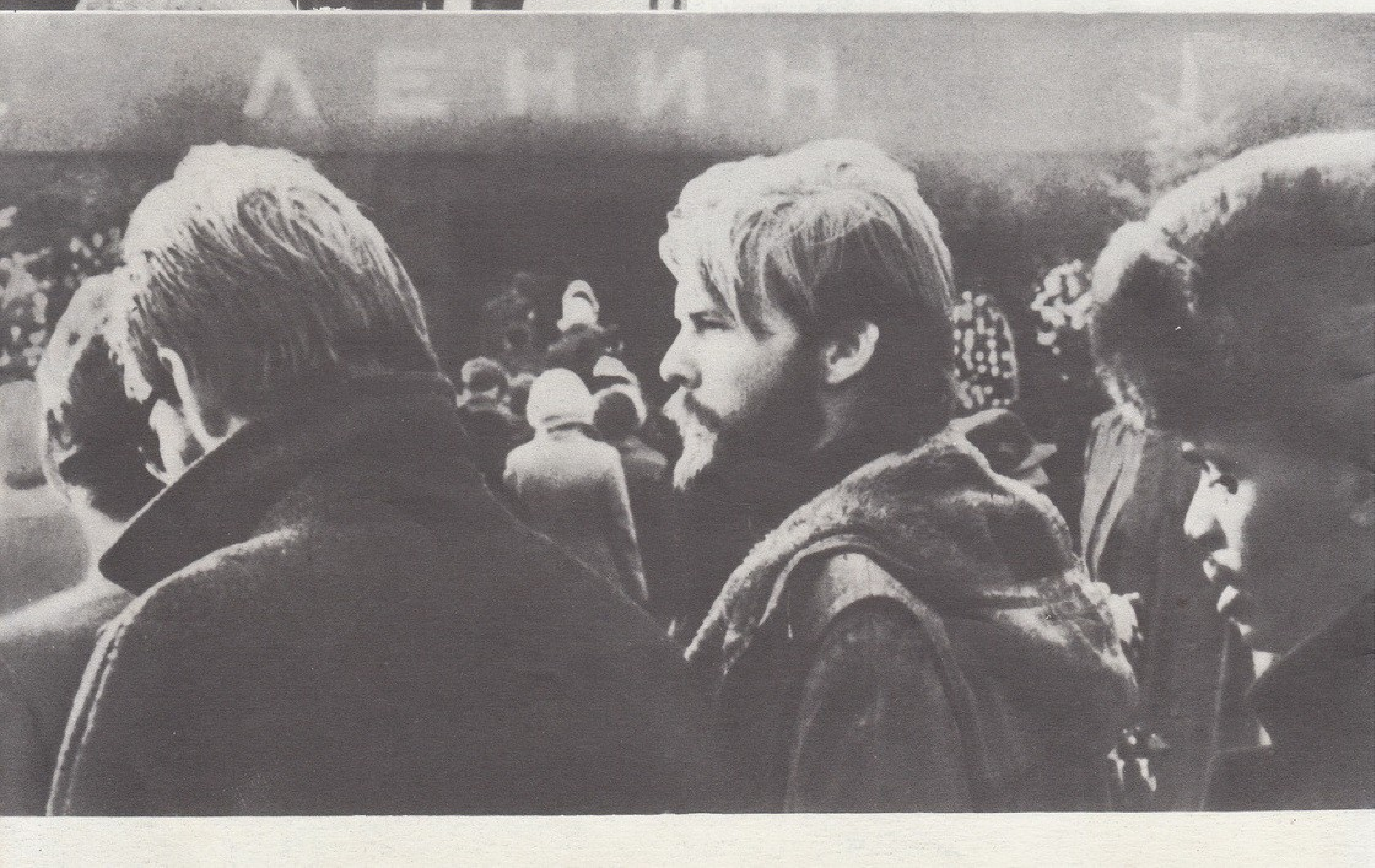
СЕГОДНЯ, ВОЗВРАЩАЯСЬ К НОЯБРЬСКИМ ДНЯМ ВСЕМИРНОЙ ВСТРЕЧИ ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ, МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ О НЕКОТОРЫХ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ 115 СТРАН, ПРИЕЗЖАВШИХ В МОСКВУ. МЫ ХОТИМ ПОЗНАКОМИТЬ ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ, С ТЕМИ, КОМУ ТВОИ РОВЕСНИКИ — МОЛОДЫЕ ТРУДЯЩИЕСЯ РАЗНЫХ СТРАН — ДОВЕРЯЮТ СВОИ ИНТЕРЕСЫ. МЫ ХОТИМ ПРОСЛЕДИТЬ ИХ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ПОСТАРАТЬСЯ ПОНЯТЬ, ЧТО ПРИВЕЛО ИХ СНАЧАЛА В РЯДЫ РАБОЧЕГО КЛАССА, А ЗАТЕМ В РЯДЫ АКТИВНЫХ БОРЦОВ ЗА ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА.

Дни встречи пролетели тем более быстро, что они были заполнены серьезной работой за столом конференции, знакомством с нашей страной и ее столицей, встречами с советскими сверстниками. Наши гости, разбившись на группы — по языкам, по профессиям или интересам, — побывали в разных городах, на разных заводах, фабриках и в колхозах. Но все они пришли сюда, к Мавзолею В. И. Ленина...

Фото нашего специального корреспондента И. АГАФОНОВА

«У людей труда, прежде всего у рабочего класса, есть испытанное оружие — сплоченность, единство действий, интернациональная солидарность».

(Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам Всемирной встречи трудящейся молодежи)

ТАК Я СТАЛ РАБОЧИМ...

На вопросы анкеты «Ровесника» отвечают участники Всемирной встречи трудящейся молодежи. Комментарий социолога Е. Амбарцумова.

Анкета... Непринужденный, спокойный тон, пожалуй, обыденные, простые истории... И все же в этой обыденности просматриваются серьезные проблемы, вошедшие в жизнь молодежи и за рубежом, и у нас. Вы в этом убедитесь сами, когда прочтете ответы на анкету «Ровесника» участников Всемирной встречи трудящейся молодежи.

Маленькие автобиографии семи молодых рабочих из разных стран наполняют зримым, конкретным, а потому убедительным содержанием положение о **ведущей общественной роли рабочего класса,** которое иной раз — что греха таить — воспринимается как рядовая аксиома из учебника обществоведения. Присмотритесь: во всех ответах видны активность и динамизм этого класса, его стремление воздействовать на все стороны жизни, хотя не всюду это стремление обеспечено соответствующими возможностями. Ребята отчетливо ощущают коренное различие между двумя мирами: в условиях социализма у рабочих развито чувство «сохозяина», чувство ответственности не только за себя и свой участок, но и за все производство в целом, тогда как при капитализме это чувство подавляется частной собственностью, отбрасывающей руководителя и подчиненного на противоположные полюсы. Всяк сверчок знай свой шесток...

Однако и в буржуазных странах пролетариат воспитывает в себе завтрашнего организатора, добиваясь, например, участия в управлении производством. Эта сравнительно новая цель классовой борьбы, о которой говорит Ажит Кумар Бакши из Индии, свидетельствует о высоком уровне нынешнего этапа рабочего движения, о том, что оно вмешивается в те сферы деятельности, которые раньше считались монополией буржуазии.

Первый вопрос, на который отвечают молодые рабочие, касается их **социального происхождения.** Своими рассказами они как бы иллюстрируют вывод марксистской социологии о том, что рабочий класс растет как путем воспроизводства, так и в результате пополнения из других слоев общества. Хотя большинство интервьюируемых вышло из рабочих семей, процессу пролетаризации в условиях капитализма подвергаются и крестьянство, и городские средние слои, о чем свидетельствуют ответы Бернара Изабе из Франции и Амаду Ба из Гамбии.

Когда тот же Изабе, или чилиец Эспиндола, или шотландец Лайонс признают, что у них не было другого выхода, кроме как стать рабочими, они говорят об общем для западных трудящихся явлении, которое социологи называют «состоянием блокированной мобильности». Исследование американцев Блау и Данкена свидетельствует: как бы ни старались дети рабочих продвинуться вверх по социальной лестнице, большинство их вынуждено оставаться в рядах «синих воротничков», как принято в буржуазной терминологии называть рабочих физического труда. Только в развивающихся странах, например на родине Амаду Ба — в Гамбии, карьера рабочего отличается «вертикальной мобильностью» на фоне полунищего существования крестьянина или городского безработного.

Иное дело в социалистических странах. Здесь сняты классовые барьеры для **социальных перемещений.** Наш соотечественник Владимир Целуев рассказывает, что у него были возможности выбора пути, но он сам предпочел стать рабочим, тогда как его сестра пошла в техникум, — такое явление непривычно для Запада, но обычно для нас. Новосибирские социологи, работавшие под руководством В. Н. Шубкина, задали большой группе учащихся вопрос: «Уверены ли вы, что сможете получить любимую специальность?» Только 6 процентов ответили «нет». Специальными льготами для поступающих в вузы молодых рабочих, колхозников, демобилизованных военнослужащих социалистическое государство компенсирует социально обусловленное неравенство образовательных шансов выходцев из разных общественных слоев.

Но существует ли в социалистических странах обратное передвижение, например из семей интеллигенции и служащих в рабочий класс? Ответ на этот вопрос может быть утвердительным, хотя надо признать, что подобные случаи еще сравнительно редки. В целом профессии нефизического труда пользуются у учащихся, да и у их родителей бóльшим социальным престижем. Однако такая иерархия ценностей в немалой степени объясняется слабой информированностью и податливостью моде. (Вот почему, в частности, столь необходима служба профессиональной ориентации!) Примечательно, например, что оператор автоматического оборудования котируется у молодых ленинградцев, выбирающих первую профессию, значительно выше (3,5 балла), чем плотник (1,7) или сталевар (2,2), хотя, объективно говоря, и по содержательности — главный критерий выбора, — и по оплате труд первого менее привлекателен. А уж профессии всех специалистов с высшим образованием котируются еще выше. Чтобы поступить так, как В. Целуев, молодой человек должен обладать немалой смелостью и способностью «плыть против течения», но взамен он получает ни с чем не сравнимое чувство самостоятельности, отсутствие которого в условиях акселерации (более раннего физического созревания) ощущается особенно остро.

Интервью свидетельствует о том, насколько многообразен облик рабочего класса, как усложняется и модернизируется его **структура.** Например, сегодня в него входят не только «синие», но и так называемые «белые воротнички» — работники нефизического труда, доля которых постоянно растет. Или такая особенность: в условиях развития научно-технического прогресса и уменьшения доли тяжелого физического труда трудовые операции на крупном механизированном производстве, как об этом свидетельствует ответ француза Бернара Изабе, не перестают утомлять рабочего своей монотонностью. Эта проблема существует и в социалистических странах, но здесь тяга молодежи к содержательному, творческому труду и сама возможность выбора работы побуждают экономику искать необходимые стимулы для привлечения молодых рабочих, предоставлять им возможность роста. С другой стороны, сам характер современного производства требует более высокого образования; поэтому соответствующие примеры, приводимые участниками встречи из социалистических стран, нас не удивляют.

Нелегко дается начинающим рабочим **социальная адаптация** — потому-то и вспоминают они об ощущении страха, которое испытывали в первые дни на предприятии. Английский социолог Майкл Картер в этой связи упоминает даже слово «содрогание». Хрупкие натуры иногда не выдерживают — бросают работу, а то и заболевают нервными расстройствами. Моральный стресс дополняется физическими перегрузками, которые недопустимы для детей, а детский труд, как видно из ответов, еще не редкость в капиталистических странах. С другой стороны, — и это учитывают предприниматели — там меньше шансов рассчитывать на благожелательность взрослых рабочих. Прочтите внимательно ответы англичанина, чилийца, француза, и вы убедитесь, что пролетарская солидарность подчас встречает на своем пути такое препятствие, как конкуренция, побуждающая иных опытных рабочих помыкать учениками. Но отрадно ощущать, что и в этих условиях чувство классового самосознания берет верх, обеспечивая рабочему классу победу не только в отдельных забастовках, но и в масштабе целых стран, как в Чили. Это чувство придает всем участникам Всемирной встречи уверенность в своих силах и оптимизм — качества, присущие классу, который они представляют.

Из какой среды ты пришел в рабочие?

1. Впервые мне пришлось отвечать на этот вопрос, когда я вступал в организацию молодых коммунистов Чили. Мой отец — шахтер, угольщик, сейчас он пенсионер. Мать всю жизнь проработала прачкой, она умерла уже много лет назад, и, как мне кажется, умерла от тяжелой работы.

2. Сразу после школы, в пятнадцать лет, я пошел работать — поступил учеником в автомастерские. Мой отец был докером, мать — медсестра. Сейчас отец работает в пункте централизованной доставки газет.

3. Отец у меня мелкий торговец, живем в Сен-Сан-Дени.

4. Мой отец — квалифицированный рабочий-инструментальщик.

5. У нас все рабочие. Вся наша семья.

6. Родители у меня — крестьяне, фермеры, выращивают гранаты. Ферма небольшая, и труд на ней самый примитивный. Самостоятельную жизнь я начал юнгой на речном судне. Потом стал автомехаником. Во время одной из забастовок вступил в профсоюз, а теперь возглавляю его. Занимаюсь самообразованием.

7. В нашей семье мужская половина накрепко связана с рабочим классом. Отец — слесарь, работал на ленинградском заводе «Фармакон». Я тоже слесарь, работаю на «Электросиле». Словом, в рабочие я пришел из рабочих. По семейной традиции.

Почему ты решил стать рабочим? Что ты чувствовал, принимая это решение?

1. У меня не было иного пути, кроме как стать рабочим.

2. Устроиться после школы в техническое училище было почти невозможно. Обратился в молодежную комиссию по трудоустройству, но там вакансий не было. Пришлось искать работу самому. Был рад поступить хоть куда-нибудь, такая сложилась обстановка. К счастью, меня взяли учеником слесаря.

3. Двоим в отцовской лавчонке делать было нечего. Так что в четырнадцать лет я уже держал мой первый вступительный экзамен — в техническое училище. Экзамен я выдержал, после чего мне сказали, не спрашивая моего мнения: будешь жестянщиком.

4. Я очень гордился тем, что стал рабочим, и с той же гордостью говорю об этом и теперь, тем более что сейчас я вхожу в состав руководства Всеиндийской федерации молодежи и являюсь секретарем секции в штате Западная Бенгалия.

5. Не всем же обязательно учиться в институте. Тут нужно учитывать как желания, так и способности человека. Мне моя работа нравится.

6. Я был столько времени безработным... Безработица среди вчерашних школьников — пока, к сожалению, обычная картина для развивающихся стран. Вы не представляете, как я был счастлив, когда стал получать зарплату!

7. Моя трудовая биография началась в семнадцать лет, после окончания восьмилетки. Когда на семейном совете решалась наша судьба, отец сказал: «У матери дел по хозяйству невпроворот, сестренке надо учиться дальше — пусть поступает в техникум. Ну а на нас, мужчин, нагрузка может быть и побольше. Парень ты, Володя, крепкий, сможешь и отцовское дело продолжить, и об учении подумать». Так и порешили.
Сейчас я думаю, что это решение не только профессионально, но и в человеческом плане определило мою судьбу, мои представления об истинных ценностях жизни. Помните, у Максима Горького: хозяин тот, кто трудится!

Чем тебе запомнились первые дни работы?

1. Было трудно, очень. Портовый грузчик, рабочий в селитровых шахтах и на медных рудниках — это вынесет не каждый мальчишка, которому едва исполнилось одиннадцать лет.

2. Дисциплина, конечно, отличалась от школьной. Да и не только дисциплина. Взять хотя бы отношение к инструментам. Научиться уважать свой инструмент — значит научиться уважать самого себя. А вообще-то подмастерьем быть нелегко. Каждый тебе может сказать что угодно.

3. Проучился я три года и стал работать. До этого я только слышал, что говорили другие об эксплуатации, теперь ощутил ее на себе. На советских заводах бригадиры и начальники цехов участвуют в производстве. Во Франции они только наблюдают за темпами работы и за тем, чтобы никто не отвлекался.

4. Первое впечатление было кошмарным: станок такой огромный и такой шумный, как какое-нибудь фантастическое чудовище. А инженер мне сказал: «У тебя, парень, диплом об окончании технической школы, так что помогай тебе бог».

5. Отец с детства приучал меня к труду, так что, спустившись в семнадцать лет в шахту, я скорее испытывал любопытство, нежели страх перед возможными трудностями.

6. Довольно интересно теперь об этом вспоминать — я имею в виду первые дни работы в гараже. Я ведь со школьной скамьи мечтал стать механиком. Гением механики! Джеймсом Уаттом, никак не меньше! В первое время не спал, автомобили все снились.

7. Желанием не ударить лицом в грязь, не запороть деталь, как можно скорее освоить самую трудную работу и выполнять ее самому, без чьей-либо подсказки. А это непросто. Мне потребовалось несколько лет, чтобы амбиция новичка уступила место профессионализму и я смог бы выдавать за смену 10 тысяч деталей. Это мой личный рекорд, которым горжусь.

Как тебя встретил рабочий коллектив?

1. Меня, как и других малолетних рабочих, эксплуатировали без зазрения совести. Добавьте к этому, что некоторые опытные рабочие, делавшие все лучше, быстрее меня, перехватывали работу, так что часто я оставался ни с чем. Их можно было понять: тут шла борьба за кусок хлеба для семьи. Правда, мне от этого не было легче. Но потом я стал бывать на собраниях, вступил в шахтерский ансамбль, участвовал в спортивных состязаниях рабочих. И рабочие меня приняли. И вот однажды, когда хозяева хотели меня выставить, рабочие встали на мою защиту.

2. Отношение со стороны рабочих было вполне приветливым, в особенности когда я старался. Мое отношение к рабочему движению, к социализму сложилось именно в те самые первые дни.

3. Отношение со стороны молодых рабочих было товарищеским, добрым.

4. Я поступил на частное предприятие, и этим объясняется мое двойственное ощущение. Что касается впечатления от рабочих, то я сразу почувствовал — они мои братья. Они хотели бы работать для страны и для народа, но, как бы ни старались, они работают на того, кто их эксплуатирует. Это уже иное, особое ощущение, незнакомое рабочим в социалистических странах. Но главное — это, конечно, то, что на заводе я обрел мир друзей, вступил в профсоюз, в партию.

5. Переходный период нелегок — боишься, чтобы что-нибудь не сорвалось. Но рабочий коллектив хорошо понимает того, кто хорошо трудится. После четырех лет я стал сменным бригадиром, сейчас работаю бригадиром комплексной бригады.

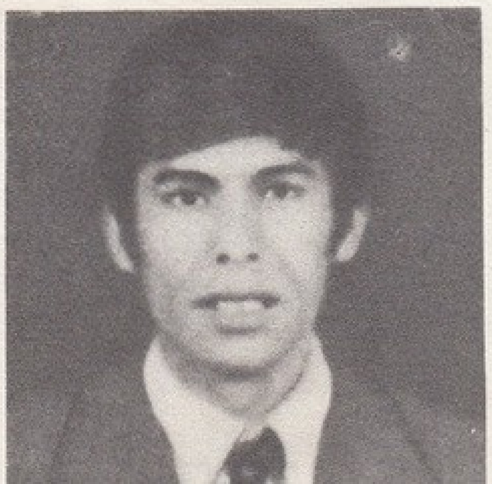
6. Люди приняли меня, я принял их. Атмосфера сложилась товарищеская.

7. Ответ на этот вопрос потребовал бы слишком много места, потому что именно в коллективе формируется человек, закладываются основы его мировоззрения, его отношения к жизни, к самой работе, его чувство общественного долга. Тут не ответить в двух словах. Но мне кажется, в каждом коллективе молодой рабочий выбирает себе свой ориентир для подражания. Таким ориентиром для меня был и остается поныне мой первый наставник — бригадир Степан Степанович Витченко. Бывший пограничник, офицер, он сумел объединить ребят в отличную бригаду, убедить своим примером — как это прекрасно, быть думающим, творческим, грамотным рабочим человеком.

Анкета «Ровесника»

ТАК Я СТАЛ РАБОЧИМ

1. ХОСЕ ЭСПИНДОЛА, член ЦК Коммунистической молодежи Чили.

2. ДЖОН ЛАЙОНС, автомеханик, профсоюзный активист, Глазго, Великобритания.

3. БЕРНАР ИЗАБЕ, жестянщик компании «Сюд-Авиасьон», Париж, Франция.

Сравнивая свое положение рабочего человека с положением представителей других социальных слоев и классов, кому ты отдаешь предпочтение и почему?

Что тебе дорого в твоей работе и что тебе в ней не нравится?

Что такое, по-твоему, рабочая классовая солидарность? В чем она проявляется?

Хотел бы ты остаться рабочим на всю жизнь?

---

1. Конечно, я предпочитаю быть в рядах рабочего класса. Ведь именно он сознательно борется за справедливое отношение к человеку труда. Меньше всего мне хотелось бы принадлежать к так называемым «средним слоям» — слишком близки они к капиталистам.

2. Восемнадцать месяцев тому назад мне предлагали учиться в Энфильдском колледже, на факультете социологии. Но у нас как раз назревала забастовка, положение было острым, я решил остаться. Как и прежде, работаю с молодежью в моем профсоюзе. Если бы представилась возможность все начать сначала, все равно пошел бы на завод.

3. Хотел бы стать инженером. Но...

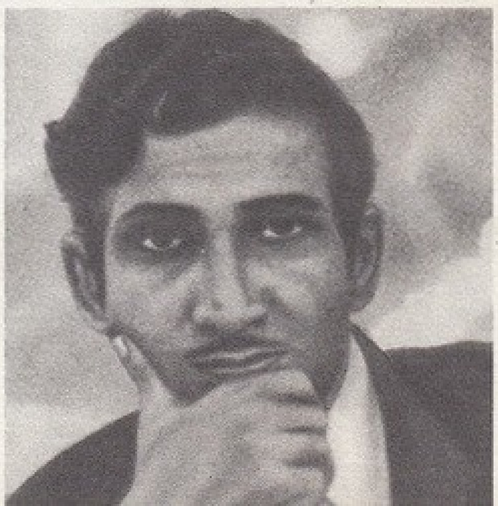
4. Хотелось бы расти в своей профессии, но на заводе нет системы профессионального обучения. Малоквалифицированный рабочий чаще всего таким и остается... Я всей душой за участие рабочих в управлении предприятиями. В штате Керала, например, таких предприятий немало, потому что там в руководстве штата — коммунисты. У нас положение иное.

5. Уважаю тех, кто работает с людьми, это сложнее.

6. Естественно, хотелось бы подняться «выше». Социалистическая система меня, кстати, привлекает еще и тем, что здесь устраняется возможность возвышения одного за счет других людей. В человеческой природе заложено желание быть лучшим, блистать. Важно только, чтобы человек мог развить свои способности.

7. Это мой класс. И кем бы я ни был, никогда ему не изменю.

4. АЖИТ КУМАР БАКШИ, токарь завода швейных машин фирмы «Уша», Калькутта, Индия.

---

1. Свою работу принимаю со всеми трудностями, огорчениями, радостями и удачами. В профсоюзе меня избрали ответственным за работу с молодежью. Трудящаяся молодежь — часть рабочего класса, его помощник в созидании материальных ценностей, его резерв.

2. Люблю товарищей, друзей, ценю их доверие как к профсоюзному руководителю.

3. Я доволен, что за свои права я могу бороться именно на заводе, что бороться против голода и лишений, существующих в мире, мне приходится опять же на заводе... Но сама работа меня, откровенно говоря, не интересует. Ежедневно я делаю одну и ту же деталь... Просто это нужно, и я это делаю.

4. Не все, что мне нравится или не нравится, связано с самим трудом. Как-то была большая забастовка. Ее лидеры были наказаны, но рабочие выиграли и получили ежегодную надбавку. Я не жалею, что оказался в числе наказанных...

5. Мне нравится, когда наша бригада работает хорошо, с душой. Если же бывают перебои с материалами, то даже такая «мелочь» действует на нервы.

6. Работа развивает в человеке ум, воображение. Трудностей, конечно, хватает. Были они и есть. Устаревшие орудия труда, отсутствие техники безопасности. Спецодежду дают на год, а хватает на полгода— приходится покупать самим, а зарплата низка. Профессионально-техническая подготовка почти на нуле. Приходится приглашать специалистов из-за рубежа.

7. Нравится работать так, чтобы, работая, отдыхать, иными словами, получать от работы моральное удовлетворение.

5. ЯН СОМСЕДИК, шахтер, бригадир молодежной бригады имени Юрия Гагарина, Кладно, ЧССР

---

1. Пролетарская, классовая солидарность — основная особенность рабочего движения в Чили. Первые рабочие организации у нас назывались «комитетами помощи», и возникли они сразу после Великого Октября 1917 года, когда была объявлена забастовка в честь первого социалистического государства. Именно с тех пор в Чили действует единый профцентр. В чем его сила? В том, что недавние происки реакции не получили поддержки организованных трудящихся — ведь в дни экономического террора, развязанного реакцией, ни одна фабрика, ни один завод не остановили работу.

2. Особое впечатление на меня произвела солидарность ленинградских и амстердамских рабочих, пришедших на помощь бастующим шотландским докерам. Они собрали средства и поддержали своих товарищей по труду в самые тяжелые дни.

3. Когда рабочий испытывает затруднение, он всегда может обратиться в наш профсоюз. На случай же забастовки мы всегда придерживаем определенные фонды.

4. Во время второй мировой войны рабочие Кералы требовали, чтобы правительство оказало поддержку народам Советского Союза. Примером солидарности наших дней могут служить демонстрации перед американским посольством в знак протеста против вьетнамской войны, поддержка освободительного движения в Бангладеш.

5. Солидарность в том, чтобы каждый работник, каждый член трудового коллектива работал на совесть.

6. Чем крепче солидарность, тем крепче рабочий класс... Ко мне приходят не только в кабинет, иногда меня поднимают и с постели. Обидел хозяин, незаконно уволил и т. д. и т. п. Стараюсь помогать, чем могу...

7. Машины, которые мы производим у себя на «Электросиле», помогут встать на ноги рабочему классу многих молодых развивающихся государств. Наши турбогидрогенераторы отправляются в 64 страны.
Лично для меня представление о международной солидарности неразрывно связано с борьбой за построение коммунизма в нашей рабочей стране — верном друге трудящихся людей во всем мире.

6. АМАДУ БА, национальный секретарь профсоюза рабочих Гамбии.

---

1. Партия выдвинула меня в руководители. Для этого мне понадобилось 15 лет напряженного труда. Однако я попрежнему считаю себя рабочим и буду им всегда. Я считаю это прежде всего вопросом чести. Я всегда помню слова Ленина о том, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

2. Поживем — увидим.

3. Мне хотелось бы получить высшее образование, вот только удастся ли это?..

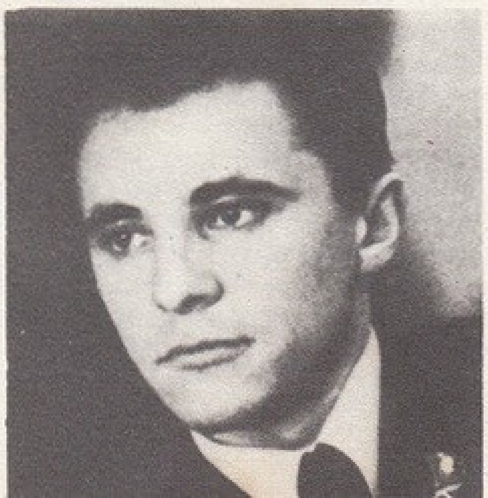
4. Да, хотел бы.

5. Моя работа меня устраивает.

6. Буду рабочим всю жизнь. Я говорю в том смысле, что рабочий человек — это всякий, кто что-то производит. Неважно, что в руке у тебя перо или молоток. Пока ты думаешь, пока ты производишь, ты человек. И вот в этом смысле я буду рабочим всегда.

7. Сейчас я учусь заочно на втором курсе факультета автоматики Ленинградского электротехнического института... Впрочем, мне кажется, я уже ответил на этот вопрос.

7. ВЛАДИМИР ЦЕЛУЕВ, слесарь-сборщик ленинградского объединения «Электросила», член Бюро ЦК ВЛКСМ, СССР.

«...молодежь, вливаясь в ряды рабочего движения, вступая в профсоюзы и массовые демократические организации, способна внести важный, прямо скажем, необходимый вклад в решение исторических задач нашего времени».

(Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам Всемирной встречи трудящейся молодежи)

„ЭТО ПРОСТО ПРОФБОРЬБА..."

Было бы лучше всего начать с существа дела, то есть, не мудрствуя, рассказать о каком-либо конкретном эпизоде профсоюзной борьбы в Италии, из которого все стало бы ясно: и кто за что выступает, и какими силами стороны располагают. Но все же, прежде чем брать быка за рога, нам придется сделать отступление, чуть издали взглянуть на участников самых распространенных в нынешней Италии конфликтов. Иначе трудно будет понять логику развития этого противоборства.

Сейчас в разговорах об итальянской экономике, о спаде и возможностях выхода из «тоннеля», в словесных баталиях о стратегии борьбы рабочего класса, как правило, обращаются к периоду — осень 1968—1969 год — времени мощнейших выступлений пролетариата, вызванных падением уровня жизни. Большинство буржуазных экономистов при этом высказывается в том смысле, что рабочие-де, профсоюзы перехлестнули через край, что непрерывные забастовки, мощный нажим в сторону увеличения заработков притормозили и без того неритмичный, задыхающийся ход итальянской экономической машины. Рабочих часов за тот период и в самом деле было потеряно немало: около 600 миллионов. Но упрекать в этом рабочих могут лишь те, кто не хочет или не может назвать истинных виновников этих потерь. Рабочие, продолжают свою мысль «критики 1969 года», выступали фактически против самих себя: как, спрашивается, можно ожидать увеличения доходов трудящихся, если падают доходы предприятия, хозяев?! О каких экономических завоеваниях может идти речь, если борьба все более приобретает политическую окраску?! Иными словами, как можно ожидать, что хозяева станут повышать зарплату или, скажем, увеличивать отпуска рабочим, если те растрачивают рабочее время на митинги и забастовки, требуют реформы системы школьного образования в стране или выступают против фашистских провокаций, агрессии во Вьетнаме?!

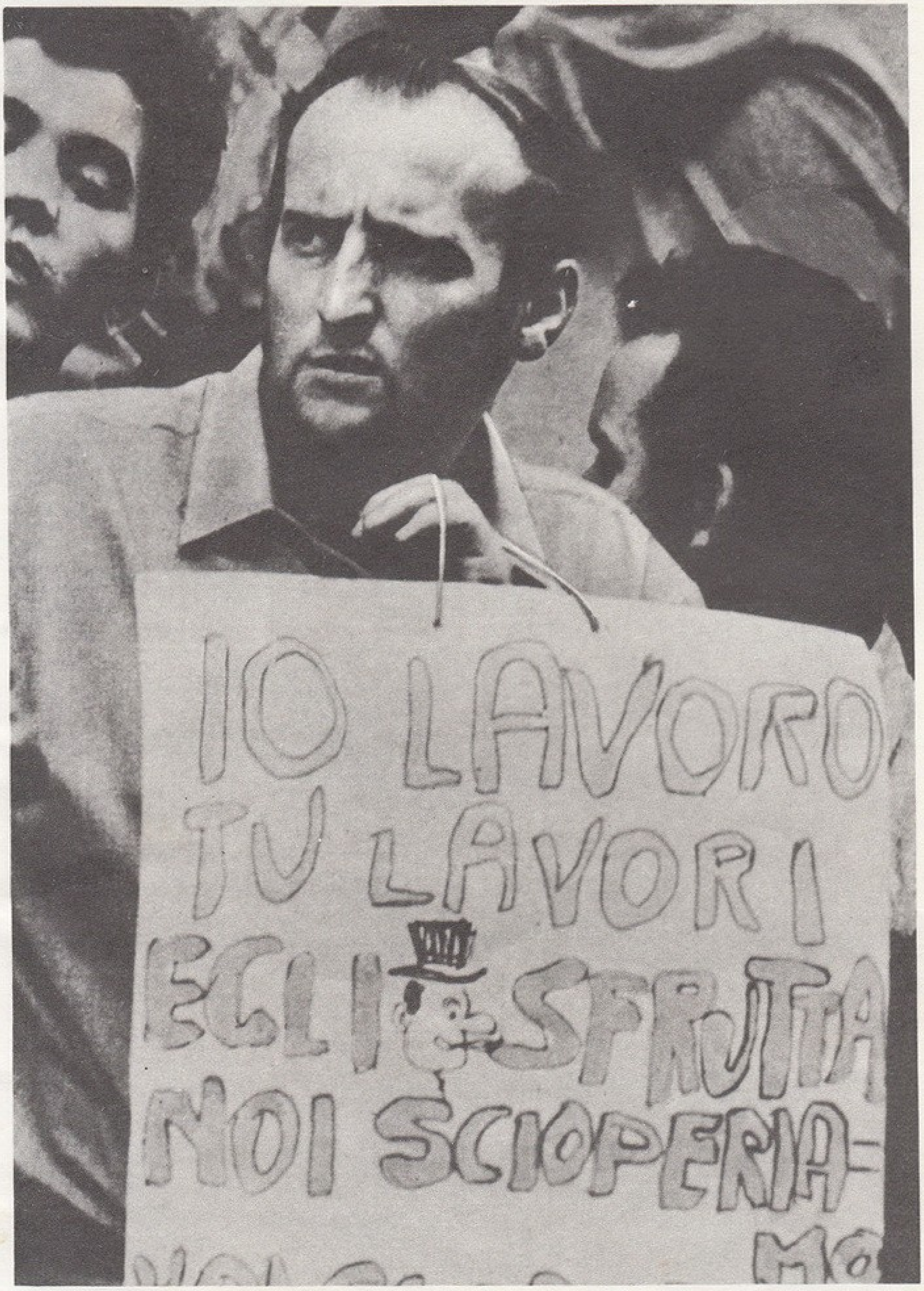
Такова логика этих рассуждений.

И еще одно небольшое отступление. Возможно, некоторым читателям разговор на тему профсоюзной борьбы заранее покажется скучным. Профсоюзное движение и впрямь не фестиваль в Сан-Ремо и не матч на миланском Сан-Сиро с участием «Интера». Нет, это много серьезнее, драматичнее, а потому, если хотите, и... интереснее в самом глубоком, незанимательном смысле этого слова. Для тех, кто в Италии сам находится в этом движении, это интерес кровный и чаще всего на всю жизнь. Для тех, кто хочет понять, чем дышат люди на Апеннинах, это интерес необходимый, хотя и не простой.

Естественно, когда я шел на встречу с Джанни Рондзанни — молодым профсоюзным лидером, — у меня не было сомнения в том, интересна ли для него тема предстоящего разговора. Профсоюзное движение для него не только дело, увлечение, склонность, но и с недавних пор его хлеб. Смущало иное — не окажется ли разговор сугубо специфичным: ведь профсоюзная борьба на практике состоит из множества деталей, из решения конкретных ситуаций. Очень важно, как мне казалось, откуда он родом, этот Джанни Рондзанни.

— Я из Биеллы, — ответил он мне. — У нас там в основном текстильная промышленность...

«А-а-а, Биелла», — протянул я про се-

«Я работаю, ты работаешь, он эксплуатирует, мы бастуем...» Уроки этой «грамоты» даются нелегко. Еще труднее — «экзамены»: их сдают под угрозой увольнения.

бя, с некоторым умилением вспоминая аккуратный, с курортно-горным воздухом городок, уютную центральную площадь, роскошные предальпийские виды, крепкие корпуса старых фабрик и непретенциозно модерные, относительно скромные по размеру корпуса фабрик новых.

«Да-да, конечно, текстильная», — с некоторым сожалением подумал я, вспоминая, что места эти наряду с Флоренцией и Венецией прославились текстилем уже в те времена, когда ремесленники Европы еще даже не успели объединиться в мануфактуры. Ну, скажем, в XIII веке район Милана — Верчелли, где и расположена Биелла, экспортировал ткани в страны Европы и Азии.

«М-да, — поспешно заключил я опять же про себя, — Биелла — это, конечно уж, не Рио-де-Жанейро», — обозначив этим бендеровским «термином» то соображение, что Биелла — это не Турин, не Милан или какой-нибудь другой крупный промышленный центр, откуда постоянно поступают сообщения о профсоюзных выступлениях.

Мы сидели с Джанни в одном из холлов Колонного зала Дома союзов на диванчике с вычурными ножками, и сверкающее окружение из мрамора, паркета и хрусталя как-то невольно заставляло ожидать, что вот-вот из двери зала хлынет праздничная и праздная толпа, дабы прогуляться в антракте концерта.

— Ты давно работаешь в профсоюзе? — вопрос получился, конечно, не ахти какой, но с чего-то надо было начать.

Джанни реагировал быстро и серьезно. Он только что вышел из зала, где работала вторая комиссия Международной молодежной конференции — «Трудящаяся молодежь в борьбе за социально-экономические преобразования, свои демократические права и свободы», — и мерцание мрамора, паркета и зеркал на него явно не действовало.

— Понимаешь, последнее время я как раз не занимаюсь чисто профсоюзной работой — с тех пор, как меня уволили с фабрики. Сейчас я в партийном аппарате провинции Биелла — Верчелли, точнее в комсомоле, отвечаю за работу с трудящейся молодежью.

— Когда тебя уволили? Осенью 1968 года?

Джанни улыбнулся:

— Нет, тогда это только началось...

События последних лет в Италии походят на хорошо закрученную пьесу: обстановка меняется быстро, и многочисленные действующие лица только успевают поворачиваться — оценить новую ситуацию, разработать тактику, развернуть пропаганду, собрать силы. По этой причине многие накоротке брошенные Джанни замечания нуждаются в пояснении. Иначе трудно уследить за логикой действия, за драматургией...

Так вот по поводу «тогда это только началось». Примерно до 1968 года итальянская экономика в течение нескольких лет весьма уверенно шагала в гору. Тому был ряд благоприятных причин. Одна из них — дешевая (по европейским стандартам) квалифицированная рабочая сила; вторая — высокая конкурентная способность некоторых отраслей итальянской промышленности в сравнении с другими странами «Общего рынка». О клондайковской атмосфере тех времен можно было бы немало вспомнить, но не это тема нашего разговора, поэтому ограничимся тем, что напомним читателям о шедшем на наших экранах точном и ироничном фильме «Бум», фильме о бесконечной и бессмысленной гонке за призрачным счастьем. Нас же в короткой истории угарного успеха экономики Италии интересует иное.

Прибыли и сверхприбыли итальянские капиталисты — «капитаны индустрии» и люди помельче — использовали, конечно, по-разному. Выбор для помещения шальных сверхдоходов был: земля, виллы, счета в банках, акции, дома, машины, яхты и т. д. Но поголовно у всех «капитанов индустрии» и их «старпомов» было одно пристрастие, весьма характерное для клондайковской, хищной натуры

итальянских предпринимателей, а именно — устремленность к ближайшей цели, насыщение своей собственной утробы, как телесной, так и духовной. Дело идет в гору? Отлично! Соорудим еще один филиал, наберем еще сотню-другую готовых на все нищих южан. Дело зашаталось, на горизонте тучи? Ладно: уволим сотню-другую рабочих или ускорим ритм конвейера, с людьми ничего не сделается, а продукция станет дешевле. В общем, долго сказка сказывается, а дело довольно скоро обернулось катастрофой: законсервированная и потому отставшая технология и техника выросших, как грибы после дождя, предприятий стала давать, сколько при этом ни подталкивай конвейер, не прибыль, а убыток.

Вот тогда-то, в 1968—1969 годах, «капитаны» и принялись разворачивать корабль итальянской экономики. Начались массовые увольнения, закрытия нерентабельных предприятияй. Параллельно с этим широкий размах приобрело так называемое бегство капиталов — иными словами, теперь хозяева предприятий, вместо того чтобы вкладывать получаемый доход в обновление средств производства, в модернизацию технологии, предпочитали переводить его в надежные швейцарские банки.

— Понимаешь, — говорил мне Джанни, — каждый год мы возобновляем коллективный договор. Дело это обычное, а при благоприятной для данной отрасли конъюнктуре почти мирное — руководство профсоюза и предприниматели подписывают договор. Однако, как бы эта конъюнктура ни складывалась, мы, профсоюз, всегда должны быть бдительны. А тем более в такое время, как «жаркая» осень 1968-го и весь «жаркий» 1969 год. Все ошибки и неудачи, собственную недальновидность, алчность и безграмотность хозяева решили компенсировать закручиванием гаек. «Вы должны понять, — так говорили они нам, — что мы сейчас переживаем трудное время. Вы сами прекрасно знаете, что фирма всегда, когда это позволяли условия, шла навстречу своим рабочим (это они намекали на тот период времени, когда экономика переживала бум, — «чудо» — любили говорить они, — и рабочим, конечно не без их нажима, кое-что перепадало)». В общем, типичный патернализм: нет никаких классов, как нет и никаких противоречий. А есть «общее» дело и «общая», так сказать, семья — фирма, завод. Сейчас «семье» трудно, и «отец» ждет от своих «возлюбленных сыновей» готовности засучить рукава, подтянуть пояса и, не жалея сил, навалиться всем миром... О том, что «отец» тем временем на всякий случай перевел капитал в цюрихский банк, разумеется, ни слова.

Каждый предприниматель самостоятельно приходил к «мысли» о необходимости срезать или хотя бы приостановить рост заработной платы, но вот что странно: получалось это у них как-то одновременно. Не то чтобы они решили в один прекрасный день сговориться, конечно, нет. Тут действовали объективные законы — те самые, которые из людей разных характеров и образа мыслей делают один класс — класс хозяев, эксплуататоров. И вот этот класс не только предпринимает единые действия на заводах и фабриках, но и организует широкую пропаганду в пользу необходимости установления «железного порядка», введения запретов на забастовки и т. д. (В те дни правая печать широко «обсуждала» такие темы, как «единая» ответственность трудящихся и предпринимателей за судьбы экономики, «вина» профсоюзов и партий — прежде всего коммунистов — за «перегибы».)

Как точнее охарактеризовать то время? Как расшифровать его определение — «жаркое»? Это были дни мощных, организованных демонстраций и дни жестоких полицейских расправ с ними. Дни напряженных поисков единственно верной стратегии борьбы и дни фашистских и ультралевых провокаций — со взрывами, поджогами, убийствами. Дни доказанной мужеством пролетариата солидарности, взаимовыручки и дни полускандального триумфа на фестивале в Сан-Ремо Адриано Челентано с его песней «Кто не работает (то есть бастует), тот не имеет права на любовь» («Синьор хозяин, дай мне прибавку, тогда и в твой и в мой дом войдет любовь»). Это было время, когда хозяева (не вняв любовным просьбам Челентано) испытывали на прочность общественность страны, организуя правые заговоры — генерала де Лоренцо, а позже «черного» князя Боргезе.

— Вот это объединение хозяев — единый антирабочий фронт, — как он выглядел у вас в Биелле?

— Наверное, ты знаешь о таком национальном объединении итальянских промышленников, как «Конфиндустрия»? Его филиалы, как бы они ни назывались, существуют в каждом более или менее крупном центре. Именно в таких штабах капиталистов разрабатывается конкретная стратегия с учетом силы и слабости противника — организованных или разобщенных трудящихся города или провинции. В 1970 году и мы закончили свое объединение, создали Коммунальный координационный комитет, в который вошли рабочие фабрик, ремесленники и мелкие торговцы. Первый ход был за нами — мы выставили наши единые условия коллективного договора. «Игра» шла по всем правилам шахмат: целеустремленная атака на определенный участок поля, создание оборонительных заслонов, перегруппировка сил и т. д. Только ставки в этой игре сумасшедшие: или из тебя будут веревки вить, помыкать как рабочей скотиной, или ты будешь жить человеком, имеющим не только длинный список обязанностей, но и список отвоеванных прав.

В ответ хозяева нанесли удар по сердцу нашего движения, они начали с фабрик. Им удалось разбить наши порядки — сорок дней забастовки, которую мы начали после объявлений об увольнении, подорвали и силы, и волю многих.

(Как все это происходит на практике? То есть как на практике из недавней решимости выжимают малодушие, из дерзости — робость, из «нет!» — «хорошо, мы согласны...»? Способы тут разные. Иногда терроризируют (изящное слово; на самом деле бьют в кровь, ногами и прутьями бьют профсоюзных активистов); или запугивают нестойких, поддерживающих профсоюзные резолюции, что называется, за компанию, возможной расправой с женой или детьми; или еще так: создают новый профсоюз, как их называют, «желтый». Он занят тремя основными проблемами: возводит клевету на признанных профсоюзных лидеров, обвиняя их, к примеру, в обкрадывании рядовых членов, подкупает и шантажирует слабых и, наконец, создает боевые, а точнее, штурмовые группы каратистов для драк с забастовщиками.)

— Тебя как раз тогда и уволили, Джанни?

— Вот-вот. Получилась такая ситуация. Им удалось нас расколоть: вывесили новый список уволенных, естественно активистов, и, так как положение стало совсем трудным, забастовку пришлось прекратить.

— Если продолжить шахматную аналогию, то профсоюзы оказались на грани проигрыша?

— Да, положение было не из легких... Ведь многие остались на улице. Рабочие и безработные — попробуй найди здесь общий язык. Именно тогда снова увеличилась эмиграция во Францию, Швейцарию, ФРГ, тогда же многие, заняв и перезаняв, заложив банкам чуть ли не душу, стали приобретать на собственные деньги текстильные станки, на свой страх и риск изготовлять пряжу, продавая ее фабрикантам на кабальных условиях... У нас есть такие цифры: за десять лет — с 1960 по 1970 год — количество рабо-

Характерная для профсоюзного движения Италии черта: борьба

чих в текстильной промышленности нашей провинции снизилось с пятидесяти до тридцати пяти тысяч. А объем продукции за то же время увеличился.

— Каков же был ответный ход профсоюзов? Вероятно, новая, усложнившаяся обстановка потребовала выработки и новой тактики?

— Естественно! Тем более что мы не собирались отсиживаться в «глухой защите»; «катеначчио» — это у нас только в футболе... Мы еще раз осознали, что проиграем борьбу, если останемся одни. Мы еще раз поняли, что хозяева тогда берут верх, когда им удается загнать нас в угол, отрезать не только от основных сил трудящихся, но и от главных политических проблем страны. Создавая напряженность во всей стране, отмобилизовав для травли профсоюзов всех правых и даже добавив к этим силам, как это произошло в последние годы, ультралевых провокаторов, они стремятся загнать нас в капкан чисто местных производственных проблем...

Но и мы кое-чему научились. С 1969 года у рабочих стало крепнуть сознание своей причастности и неразрывности с общенациональными проблемами. Где бы и в каких бы условиях они ни трудились, рабочие теперь не представляют борьбы за конкретные экономические права отдельно от борьбы за права социальные, за разрешение проблемы отсталого Юга, проблемы эмиграции, наконец, за право участия в управлении предприятиями.

Умозрительно, так сказать теоретически, все это, наверное, было ясно давно. Жизнь уже научила итальянского рабочего чувствовать его реальную зависимость от решений, принятых в далеком Риме, или от успехов и неудач рабочего движения еще более далекого Юга. Ведь любое отвоеванное повышение зарплаты может оказаться пустой тратой сил, если неконтролируемые цены подскочат еще выше. Или такой пример. Как известно, Север Италии в промышленном отношении достиг высокой степени развития, однако даже там, на Севере, а уж тем более на Юге, уровень социального обеспечения низок необычайно. Отсутствие школ, больниц, низкие пенсии — разве не рабочий класс страдает от этого в первую голову?! Или вот еще один факт. Перед самой встречей в Москве газеты много писали о диверсии фашистов, попытавшихся взорвать поезд с профсоюзными делегатами, отправлявшимися на конференцию в Реджо-ди-Калабрия, посвященную проблемам Юга. Ведь для хозяев Юг всегда был не только источником дешевой рабочей силы, но и средством политического, экономического нажима на организованное профсоюзное движение.

— У меня еще один вопрос, Джанни. Понятно, что рабочая молодежь борется за те же цели, что и весь рабочий класс. Но ведь, наверное, существуют и чисто молодежные проблемы. Не так ли?

— ...У нас в Биелле совсем недавно пятнадцатилетняя девушка Антонетта Карбоне пыталась покончить с собой. Не из-за несчастной любви, а из-за того, что ей некуда податься — для нее не оказалось места ни на фабрике, ни на школьной скамье. Ты знаешь, что у нас в университетах лишь три процента студентов на вопрос: «Из какой ты семьи?» могут ответить: «Из рабочих»... Вообще, молодежная проблема в Италии — одна из самых острых, ведь именно молодежь, да еще женщины, и есть самая эксплуатируемая и низкооплачиваемая прослойка. Добавь к этому проблему профессионального обучения, учебы, организации свободного времени... Конечно, это не только наши итальянские проблемы, не случайно именно о них мы и говорим в нашей второй комиссии...

Мы сидим в одном из холлов Колонного зала, обстановка парадная и торжественная. Иногда она людям просто необходима, поскольку помогает выстроить трудные, запутанные будни в единый безостановочный ход событий, вобравших в себя дела твои и твоих товарищей.

— Да, кстати, — говорит тут Джанни. — Сегодня ведь тринадцатое?

— Да, тринадцатое ноября, понедельник.

— Вчера в Милане наши комсомольцы должны были провести демонстрацию за права молодежи. Надо будет посмотреть газеты...

С. РЕМОВ

за права рабочего класса объединила старых и молодых, тружеников Севера и Юга...

Всемирный Молодежный Телеграф

МОСКВА. Подписана «Перспективная программа сотрудничества и укрепления братских связей ВЛКСМ и ВКСМ на 1972—1975 годы». По просьбе «Ровесника» это событие комментирует первый секретарь Венгерского коммунистического союза молодежи Иштван Хорват.

— Молодежь наших стран, наши союзы молодежи, — сказал товарищ Хорват, — накопили немалый опыт сотрудничества. Перспективная программа предусматривает дальнейшее его развитие. Наши организации проведут мероприятия в связи с 30-летием освобождения Венгрии от фашизма, 50-летием присвоения ВЛКСМ имени В. И. Ленина, 30-й годовщиной разгрома гитлеровского фашизма, 25-й годовщиной со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Венгрией. Массовыми двусторонними мероприятиями станут фестиваль дружбы молодежи СССР и ВНР, лагерь дружбы советской и венгерской молодежи.

Как и прежде, мы ставим целью всемерно поддерживать участие молодежи в осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Обмену опытом работы по повышению эффективности общественного производства будут способствовать конкурсы профессионального мастерства. Продолжится обмен студенческими строительными отрядами, будут расширены контакты молодежных коллективов через БММТ «Спутник» и бюро путешествий «Экспресс».

*

БУЭНОС-АЙРЕС. Накануне президентских выборов, назначенных на март 1973 года, все сильнее звучит голос тех, кто выступает за правительство широкой демократической коалиции.

Почти ежедневно аргентинские газеты пишут об «очистке» фабрик от бастующих. Подобные картины не редкость на предприятиях «Стандард ойл», «Шелл», «Крайслер», а также в порту аргентинской столицы. Рабочие, среди которых много молодежи, требуют отмены репрессивного законодательства, освобождения из тюрем политических и профсоюзных деятелей, легализации деятельности компартии, существенного повышения заработной платы. Их лозунги поддерживают студенты, артисты, молодые банковские и муниципальные служащие, трудящиеся сферы обслуживания. Из столицы страны забастовочное движение перекинулось в Тукуман, Мендосу, Санта-Фе. В Тукумане забастовщики стали фактическими хозяевами города; бросив против них значительные полицейские силы, власти лишь на шестой день смогли взять город в свои руки. В знак единства с трудящимися Тукумана рабочие и студенты промышленной Кордовы парализовали жизнь в городе забастовкой солидарности.

*

ЛОНДОН. На страницах английских газет — фото молодого человека по имени Кейвин Кэдволландер. Кейвин — теперь уже бывший капрал английской армии. Он дезертировал из своей части и попросил политического убежища в Швеции, как только узнал, что его отправляют в Северную Ирландию для участия в боевых операциях «томми» против гражданского населения католических кварталов. Кэдволландер — первый из английских солдат, обратившийся за помощью к шведским властям. Решение о предоставлении ему убежища вынесено согласно тем же законам, которые позволили беглецам из американской армии осесть в Швеции после их отказа участвовать в грязной войне во Вьетнаме.

«Ныне мы являемся свидетелями и участниками великих перемен, живем в обстановке острой борьбы нового, прогрессивного со старым, реакционным».

(Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам Всемирной встречи трудящейся молодежи)

ВЫСТРЕЛ

В самом деле, откуда было мне знать, что, оставшись наедине с собой, перед чистыми листами бумаги, я вдруг споткнусь о то, что должно быть свято для каждого пишущего, — о точность. Я вынужден изменить точности во имя безопасности человека, о котором пишу...

Но именно это обстоятельство неожиданно сделало для меня особенно осязаемой мою сопричастность к страданиям и боли, гневу и решимости людей, которые собрались на антифашистский митинг в дни Всемирной встречи трудящейся молодежи в Москве. Здесь были те, кто не только осознал необходимость борьбы с фашизмом, но и ведет ее так же категорично и самоотверженно, как это делали их отцы-антифашисты.

Представляя обстановку, в которой сегодня ведется эта борьба, обстановку террора, в которой можно почесть за смелость даже высказанное шепотом в кругу друзей и близких негодование, я отдаю себе отчет, что означают в таких условиях люди организованные, сплоченные, поставившие себе главенствующую цель — борьбу с фашистской диктатурой, что означает для общества, его умонастроения, его уверенности, его чистоты нравственной не только их борьба, но и сам факт, что они, такие мужественные люди, есть.

Они есть, такие люди. Вот они, молодые, жизнерадостные, энергичные, они — рабочие, крестьяне, приехали на встречу трудящейся молодежи, чтобы рассказать о своем опыте борьбы — новом опыте в новом времени.

Что мне нужно, когда я слушаю их выступления на митинге в подмосковном совхозе, в Колонном зале Дома союзов? Мне нужно ощущение коллективного понимания опасности фашизма, ощущение конкретности борьбы, умения улавливать взаимосвязь, казалось бы, самых разноликих явлений. Мне нужно ощущение их молодости, энергичности и силы в таком важном деле, как борьба с самым омерзительным порождением уходящего мира. Я хочу подсмотреть жизненное движение молодого человека, чтобы на его примере убедиться в неизбежности обращения каждого, кто честен, к борьбе.

Я хочу узнать, как это происходит. Тогда я говорю с товарищем, которого буду называть Эстебаном. Он рабочий. Сегодня один из руководителей молодых коммунистов Гватемалы. Он доставляет мне удовольствие своею искренностью, пылкостью ума, мыслью, в которой страдание за гватемальский народ и твердость борца. Он подпольщик. Он рассказывает мне, как стал им.

...Разве это были выстрелы? Разве выстрелы взорвали воздух, вмешались в шум и сутолоку дня и тут же исчезли? И зелень бульвара, и голубизна неба, и обкатанный черный асфальт невозмутимостью своей приглашали забыть эти лишние звуки, и они представали пустяком, не стоящим внимания в заведенной жизни улицы...

Парень вжимался в стену дома корявыми пальцами, потом грудью и коленками. Он клонился к стене щекой и, казалось, вслушивался в продолжение звука выстрелов в самом себе, в своем теле, больно и отчужденно преображенном, вслушивался, чтобы не успеть его забыть...

На стене дома черными буквами торопливо было выписано: «Долой диктатуру!»

Валялась кисть, ведерко с краской опрокинулось, и у основания стены он был маленьким и плоским, этот человек, почти сливающийся с землей, но неожиданно возвысившийся словами, на которые, оказывается, понадобились его рождение, его детство, его улыбки, его повзросление, его понимание действительности, то умонастроение, которые заставили его взять малярную кисть и выписать слова в отчаянии или взвешенной хладнокровности, в распахивающей душу решимости:

«Долой диктатуру!»

Полоска моря была сонной и голубой, равнодушно перенимающей цвет безоблачного неба, и море и небо казались вычурно красивыми настолько, чтобы быть такими долго, целые века, всегда.

Над улицей спокойно и властно уместились эти слова, потеснив будничность и эту вычурную красоту, и оттого парень не казался убитым, а утверждал себя, являясь неожиданной, трагической иллюстрацией к написанным им словам...

Полицейский подошел, ткнул его ногой, перевесил карабин через плечо, стал посматривать по сторонам, словно искал более интересное для своего внимания, но взгляд скользил, ни на чем не останавливался. Другой полицейский, совсем еще молодой, тоже стал посматривать, решая во всем, видимо, подражать старшему, но у него это получалось пугливо и нервно, потому что чувство и способность думать еще не стерлись долгой службой, и он кинулся к стене, пытался стереть краску, суетился, подергивал ремань.

— Не надо. Она не стирается, — сказал старший, брезгливо кривя губу и словно понимая не подчиненного, а себя, каким он был в молодости, — нервным, наверное, способным волноваться по пустякам — лишнее, совсем ненужное свойство.

...Эстебан понял, что он в опасности, что сейчас этот полицейский, движимый инстинктом старого служаки, обернется, увидит его и определит, отметит по лицу, по позе, что он, Эстебан, все видел. Полицейский поманит его пальцем, и Эстебан подойдет к нему, и ноги у него будут ватными.

— Ты кто? — спросит полицейский.

— Я Эстебан, — скажет он.

— Эстебан? Что-то мне знакомо это имя. Не правда ли? — скажет полицейский. Возможно, он улыбнется, неожиданно добро и проницательно, и будет соображать, стоит ли забрать этого Эстебана, чтобы лишнего шума не поднялось, да и мало ли что? Полицейский будет искать решения в выражении его лица, будет искать ту дозу испуга, верноподданничества и трусости, которые должны убедить его, что этот человек полностью безопасен, — мышка, пусть побегает.

Эстебан понял, что лицо у него перекошено не понятым им еще до конца страданием — гримасой отчаяния и боли, и лучше бы его не заметили и ни о чем не спрашивали. Понимая теперь очевидную суть опасности, Эстебан вобрал голову в плечи, пошел как-то неряшливо и унизительно — носками внутрь ставя ноги и сильно сутулясь. Он запомнил, как заскрежетали тормоза машины и как полицейский сказал:

— Наконец-то!

Из автомобиля вышел молодой человек, посмотрел на убитого, произнес: «Он», и это слово, сказанное торопливо, заставило подумать, что этот молодой человек не полицейский. Он выпадает из спокойной, лениво-профессиональной их манеры говорить и держаться. Этот молодой человек — предатель... У него было бледное лицо с ранними морщинами в уголках губ, словно он отхлебнул вместо вина уксуса и теперь морщился на жизнь, на людей, пытаясь утверждать даже не свое превосходство, а их всеобщее ничтожество.

Молодой человек отошел поспешно от автомобиля, повернулся, почти побежал, желая побыстрей слиться с толпой, даже раньше, чем он это сделал: так он клонил плечи, голову, грудь, загребал воздух ладонями.

— Убрать! Быстро! Быстро! — услышал Эстебан, и последнее «быстро» сказали в упор, в затылок, и Эстебан еще сдержался, чтобы не пуститься бежать...

Что-то изменилось. Эстебан не мог осмыслить, что и как: иногда он думал, что он неожиданно повзрослел, как-то разом перескочив ступень, — быстрее, чем нужно, одним сильным толчком его швырнуло в иную жизнь, доселе им не знаемую, без ласковых и легких красок, которые совсем недавно могли поощрять его на радость, мечтательность, на откровенность, на безотчетное веселье. Теперь он был беспомощен, он ничего не знает, словно не здесь он родился, рос, словно ему незнакомы люди, дружбой которых он дорожил, — грузчики порта Пуэрто-Барьоса, рабочие мастерских.

Потерянный, он шел к старику Родригесу, присаживался на скамейку, смотрел, как тот осторожно и ласково водит рубанком по доске, как снимается прозрачная стружка и вздуваются

Перед новым, 1973 годом, этот номер уходил в набор... Перед самым Новым годом мы узнали трагическую весть: в Гватемале (а именно о ней идет речь в этом очерке) репрессивными органами зверски убиты шестеро коммунистов, членов ЦК Гватемальской партии труда...

вены на руках, раскрывая мускульное напряжение, оказывается, необходимое для ласкового движения рубанка.

— Раньше ты говорил «добрый день», и из этого можно было заключить, что все в порядке, — говорил Родригес.

— Добрый день, — отвечал Эстебан.

— Вот теперь все на месте, — продолжал Родригес и вставлял подогнанную доску в паз будущего шкафа.

— Парня на улице убили, — сказал Эстебан твердо, вдруг захотев вывести Родригеса из монотонной мудрости, в которой была мягкость, убаюкивающая сознание тем, что она есть, эта мудрость, и ее можно неспешно излагать, осторожно снимать тонкую стружку и благополучно здравствовать, продавая шкафы той формы, которую требует время и мода.

— Вот и я говорю — что-то не на месте.

Эстебан уходил и думал, что напрасно он сказал про парня, словно хотел выкинуть очень ценное и нужное ему, но тяжелое, мучительное. И поэтому поспешил разменять это ценное, разбросать, рассеять словами.

Смутно, не желая определенности, Эстебан думал, что убийство не оглушило его, не потрясло чувственно, а заставило рассуждать, переболеть умом, с неожиданной для него той степенью подготовленности, которая удержала его тогда от того, чтобы закричать, броситься взывать о помощи, бить в грудь полицейских кулаками. И эта подготовленность не только в нем самом, а и в манере прохожих идти по улице, говорить, смеяться, читать газеты, завтракать в кафе, понижать тон до шепота, сообщая об еще одном замученном в тюрьме, с индифферентным лицом слушать о случайной автомобильной катастрофе, в которой погибли неизвестные люди, совсем неизвестные, такие, что никогда и не будут известными, или о том, что море выбросило трупы тоже неизвестных, совсем... И многозначительность шепота, деланной внимательности к пустой официальной газете, напускная безразличность при слушании ужасной новости о гибели людей узаконивали пугливую манеру поведения, делали эту манеру естественной, делали ее нормой. И шепот уже не казался унизительным и непотребным для человеческой личности, а представал даже своеобразным вызовом, нелояльностью, свободомыслием...

Иногда Эстебану казалось, что люди сознательно оглушают себя пустой болтовней, чтобы только не молчать, не думать...

— Тебе, Эстебан, жениться надо, — говорил Родригес, высматривая на свет стамеску, ее лезвие, — в молодости приходят шальные мысли, такие... больше нашей Америки, больше всего мира. А женился — и все уместится в уютном уголке твоей комнаты. Весь мир. И дай тебе бог здоровья и силы этот мир устроить как следует. И к тому же, когда тебя девушка начинает та́к не замечать, идет мимо, ручки на подоле складывает, — это ценить надо. Любит, значит...

Странно, но Эстебану стало казаться, что и в любви, в отношении к Росалии он допускает искусственность. Он словно насильно заставляет себя радоваться при встрече, рассматривать ее лицо, следить, как она резко, неподражаемо повора-

чивает голову, посматривает любопытствующим, веселым глазом на него. Она была рядом, как существо, которым он дорожил, и прежде всего потому, что она не изменилась и знала его, другого Эстебана, с которым они были вместе.

Он, Эстебан, любит Росалию. Он любит. Чисто и свято.

И в этой любви он пойдет по вечерним улицам Пуэрто-Барриоса, утопая в многоглазом свете уличных фонарей, совсем веселых, если на них не смотреть. Он пойдет мимо прилежных витрин, он будет отбивать каблуками решительный, последний марш по зашлепанному серому асфальту.

Он, Эстебан, найдет этого бледного красивого молодого человека, который ухитрился хлебнуть уксусной подлости, искривившей ему навечно рот, пометившей его среди людей и заставившей тенью скользить по улице, бежать от самого себя.

Он любит Росалию. Он не может себе позволить, чтобы между ними была грязь, пустота, недоверие, фальшь. И эта чужая, безликая, настойчивая тень...

Он должен крикнуть, что он уважает свою любимую, людей, вот эту улицу, город, море, себя. Крикнуть, как тот парень, который цеплялся корявыми пальцами за стенку, падал, желая удержать в памяти звук убивших его выстрелов...

Тень должна исчезнуть.

Эстебан шел легко и весело, словно в грудь ему удалось набрать самого чистого воздуха в мире, и вечер был целостным, единым, не расшифрованным мелочами, — единым решительностью решения.

Он зашел к старику Родригесу с тем ощущением восторга, которое должно было само по себе настроить на те простые слова, которые они скажут друг другу.

— Добрый вечер, Родригес, — сказал с порога Эстебан.

— У человека все в порядке, — отметил Родригес, бегло взглянул на него и опустился в кресло, раскурил трубку.

— Когда у человека все в порядке — это уже не в порядке. Особенно в наше время, — рассуждал старик. — Как ты думаешь? — обратился Родригес к Эстебану, и это был первый вопрос, который он когда-либо задавал.

Эстебан заметил, что комната прибрана умело и чисто и что старик необычен. Он чуточку торжествен, как это бывает у пожилых людей, с той долей подкупающей неуклюжести и чопорности, которые способны растрогать. И они, старики, понимают это, делаются совсем недоступными:

— Как думаешь?

— Ты знаешь, Родригес. Знаешь. Я не хочу сейчас размениваться словами. Они надоели мне. Слова, которые мы должны говорить шепотом и оглядываться, а нас могут убивать... по одному. Мы, как рыбы на песке, разеваем безгласно рты и задыхаемся. Надо действовать. Мы тонем в ненужной болтовне, в которой нет смысла, потому что мы не доверяем друг другу, у нас недоверие родится раньше нас. Но я, кажется, знаю выход.

— Хорхе, — сказал старик, повысив голос. — Хорхе. — И потер лоб, словно желал снять недоверие, о котором ему только что говорили.

В комнату не вошел, а как-то оказался в ней давно присутствующим незнакомый парень. Он внимательно посмотрел на Эстебана, повернулся к Родригесу, незаметно присел, словно он и был здесь давно и вот так непринужденно сидел.

— Вот. Я о нем тебе говорил, — сказал старик. — Это Эстебан. В нем решимости больше, чем на одного человека, и это может для него добром не кончиться. К тому же его замучило всеобщее недоверие — и это тоже тяжело. — Родригес, казалось, улыбался, но это трудно было сказать определенно, потому что в зубах у него была трубка.

— Террор родит недоверие, — сказал Хорхе просто и тихо, точно так же, как он вошел, сел, но сказал с той выношенной твердостью, за которой скрывались размышление, примеры, факты. — Вы знаете об убийстве? — спросил Хорхе.

Эстебан рассказывал. Сначала с удивлением, что он говорит спокойно, обстоятельно, потом радуясь за свое спокойствие и обстоятельность, за точность штрихов, которые, оказывается, он так долго помнил, носил в себе. Он рассказывал с облегчением, словно часть тяжкой, ставшей ему совсем непосильной ноши он теперь перекладывал на плечи других...

— Какой из себя этот молодой человек? — спросил Хорхе.

— У него какие-то ранние тонкие морщины в уголках рта. Он красивый, суетливый.

— Правильно. Мы не ошиблись. Мы давно подозревали. Было особое постановление комитета еще раз проверить. — Хорхе снова говорил тихо и веско, и слова «мы не ошиблись», «постановление еще раз проверить» и «комитет» создавали ощущение прочности этого человека и тех, других, что объединились с ним, их основательности, а главное, организованной силы, которая вступила в борьбу с темной, подавляющей сознание властью, и от этого она переставала, эта власть, быть всесильной, и от этого тень словно переставала существовать.

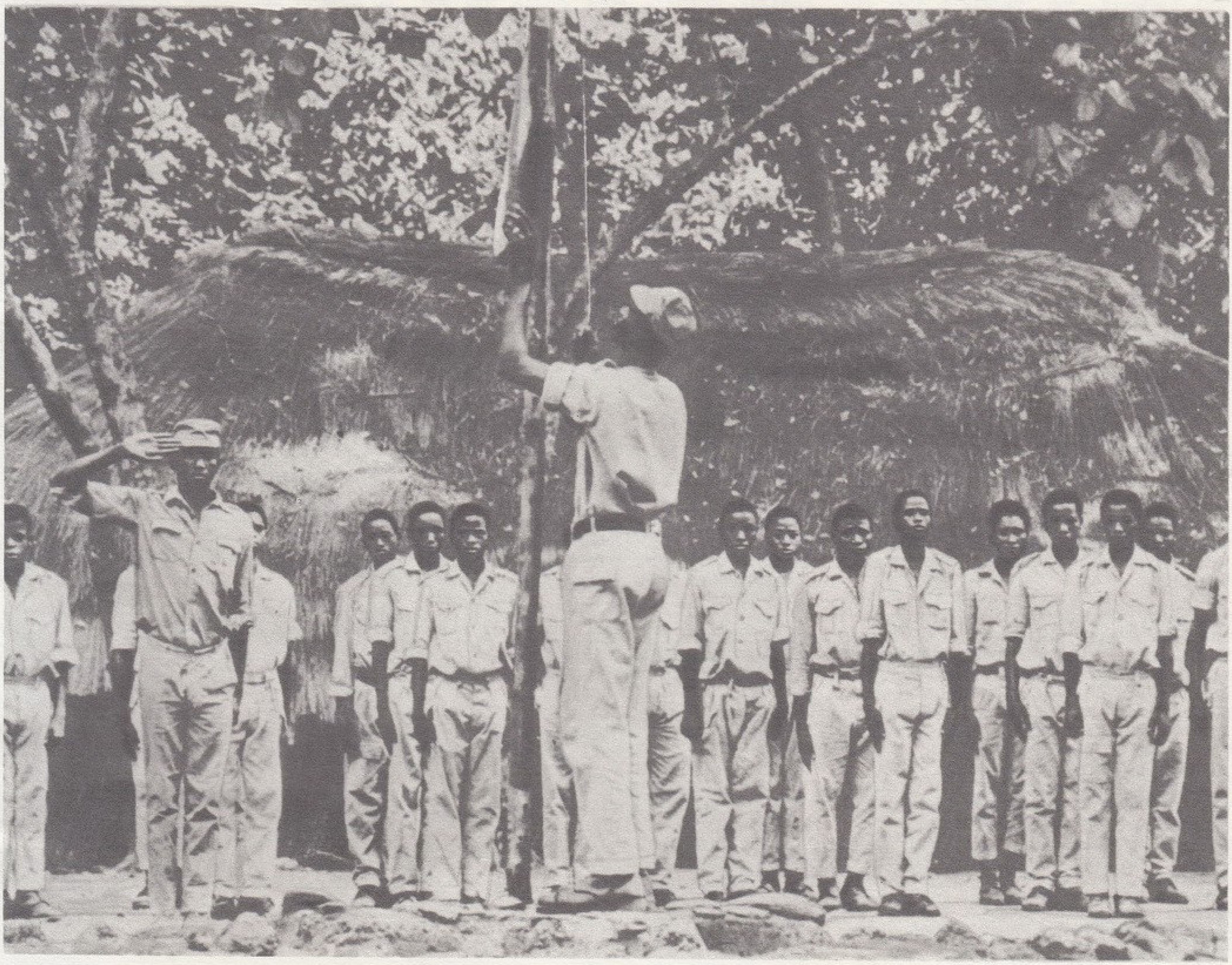
Старик Родригес дымил трубкой.

Виктор ТУЗОВ

«Молодежь против фашистских и диктаторских режимов!» — *митинг в Доме культуры подмосковного совхоза имени В. И. Ленина.*

ТРИ ФРОНТА БИТВЫ ЗА СВОБОДУ

«Мы не раз читали очерки о борьбе патриотов Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау) против португальских колонизаторов. Хотелось бы прочесть статью о сегодняшнем положении дел в этих странах». Такая просьба содержится во многих письмах, поступивших в редакцию.

Напомним читателям, что в конце прошлого года Генеральная Ассамблея ООН решительно осудила правительство Португалии, упорно отказывающееся признать и претворить в жизнь право на самоопределение и независимость для народов так называемых «заморских территорий».

На вопрос наших читателей отвечает специальный корреспондент «Правды» Олег ИГНАТЬЕВ

ДОСЬЕ „РОВЕСНИКА"

В моем редакционном кабинете висит старинное португальское ружье. Его возраст, утверждают специалисты, примерно конец XVII — начало XVIII века. Ружье — подарок командования Восточного фронта Народной армии Гвинеи (Бисау). Это не просто музейный экспонат: десять лет назад, когда в бывшей «португальской» Гвинее началась вооруженная борьба против колонизаторов, многие партизаны были вооружены лишь такой техникой. С тех пор немало воды утекло. Сейчас операции против португальских колонизаторов ведут патриоты всех трех стран — Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау).

Вооруженная борьба в Анголе началась раньше, чем в двух других португальских колониях. 4 февраля 1961 года в столице Анголы Луанде вспыхнуло вооруженное восстание под руководством МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы). Восстание было зверски подавлено. Но руководители МПЛА и активисты продолжали вести кропотливую работу среди населения, готовили военные и административные кадры для партизанских отрядов и будущих освобожденных районов, усиливали удары по врагу.

Всей вооруженной борьбой после объединения усилий МПЛА и ФНЛА (Национального фронта освобождения Анголы) руководит Высший совет освобождения Анголы. Под контролем партизан находится примерно около трети всей площади страны.

До 1963 года МПЛА проводило воен-

ные операции в основном во 2-м районе, соответствующем анклаву Кабинда. (Всего в стране шесть районов.) Сейчас центр тяжести перенесен на 3-й, граничащий с Замбией. В июле 1970 года мне довелось провести три недели в зоне «Б» 3-го района. Мы базировались в центре одного из секторов зоны, где располагался учебный центр подготовки бойцов и командиров для отрядов зоны.

МПЛА было первым из национально-освободительных движений в Африке, которое перенесло главный штаб по руководству операциями непосредственно в страну. Согласно заявлениям руководства МПЛА численность партизанских отрядов составляет примерно 20 тысяч бойцов и командиров, не считая отрядов народной милиции.

Говоря о партизанских отрядах Анголы (это в полной мере относится и к Мозамбику), подчеркну, что проведение военных операций подчинено четкому плану, разработанному общим командованием. В отрядах строго соблюдается армейская дисциплина, там есть партизаны, но нет партизанщины.

Из трех национально-освободительных движений, на мой взгляд, ангольское сталкивается с наибольшими трудностями. Во-первых, растянутые тыловые коммуникации. (Так, оружие и боеприпасы доставляются автотранспортом из порта Дар-эс-Салама за несколько тысяч километров.) Во-вторых, — значительная территория страны (почти две с половиной Франции).

В Мозамбике вооруженной борьбой руководит ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Первая стычка с португальцами произошла 25 сентября 1964 года. Отряд ФРЕЛИМО под руководством Алберто Жоакима напал на пост Шай в провинции Кабу-Делгаду. С этого события и начинается отсчет дней вооруженной борьбы.

Представитель ФРЕЛИМО Жоаким Чиссано 26 сентября 1971 года заявил, что с 1964 года армия фронта выросла с 200 до 20 тысяч бойцов. «Фронт освобождения Мозамбика, — сказал один из руководителей ФРЕЛИМО, Марселино дос Сантуш, — является единственным представителем своего народа, пользующимся доверием и уважением во всех уголках Мозамбика и установившим власть народа на территории более 200 тысяч квадратных километров». Это немалая площадь, если учесть, что вся территория Мозамбика составляет 783 тысячи квадратных километров.

Вооруженная борьба началась в Кабу-Делгаду, затем второй фронт был открыт в Ньясе, третий в провинции Тете. В июле 1972 года появился и четвертый фронт — в провинции Маника и Софала. Сейчас ФРЕЛИМО проводит наиболее значительные операции в Тете, где португальские колонизаторы совместно с монополиями других стран сооружают на реке Замбези электростанцию Кабора-Басса. Так, в первой половине ноября прошлого года партизаны в 20 местах перерезали железнодорожную линию Бейра — Тете. 9 ноября 1972 года силы ФРЕЛИМО подвергли ракетному обстрелу аэродром Тете, уничтожив 17 самолетов и вертолетов. Португальское командование неоднократно объявляло об «успешном наступлении правительственных войск против партизан ФРЕЛИМО». В июне 1971 года я посетил освобожденные районы провинции Кабу-Делгаду, собрав неопровержимые доказательства лживости утверждений португальских властей. Отряды ФРЕЛИМО, с которыми я прошел несколько сот километров, — полные хозяева ситуации. Партизанские базы сооружены капитально, партизаны имеют современное вооружение и необходимые знания для применения этого оружия в боевой обстановке. Подобная же картина наблюдается и в других провинциях Мозамбика.

В Гвинее (Бисау) первое сражение с колонизаторами произошло 23 января 1963 года, когда группа партизан напала на дороге Мансаба — Олоссато на португальский конвой. Сейчас от португальцев освобождено более семидесяти пяти процентов территории страны. На этих землях, так же как в Анголе и Мозамбике, созданы органы народной власти, работают школы, госпитали, магазины. Борьба в Гвинее (Бисау) ведется под руководством ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса). Во главе партии стоит Амилкар Кабрал, по профессии инженер-агроном. Он очень популярен и авторитетен не только в Африке, но и за ее пределами. Недавно Институт Африки АН СССР присудил товарищу Кабралу степень доктора исторических наук[1]. Мне довелось посетить все три фронта борьбы в Гвинее (Бисау): Южный в 1966 году, Северный и снова Южный в 1968-м и Восточный в 1970-м. Если во время первой поездки против португальских войск сражались партизанские отряды, то в 1970 году ПАИГК уже имела регулярную армию. Вот одна из сводок боевых действий ПАИГК с января по август 1971 года: «Совершено атак на вражеские гарнизоны в городах — 369. Убито и ранено (только подтвержденные данные) 728 солдат и офицеров противника. Уничтожено 90 военных машин.

[1] Этот номер уже подписывался в печать, когда пришла трагическая весть о подлом убийстве товарища Кабрала, совершенном наемниками португальских колонизаторов. (Прим ред.)

Потоплено 28 судов. Сбито 2 самолета и 3 вертолета. Захвачено большое количество военного снаряжения и оружия».

Такова военная обстановка в этих трех странах. Теперь о тактике. Условно ход этой борьбы можно разбить на несколько этапов. Первый — разъяснительная работа среди населения. Нужно было терпеливо доказывать народу необходимость взяться за оружие, преодолевать племенную раздробленность, а иногда и открытую вражду между племенами. В Гвинее (Бисау), например, этот этап длился более двух лет. На втором этапе целью созданных партизанских отрядов стало разрушение коммуникаций противника для изоляции его гарнизонов. Партизаны нападали на португальские транспортные колонны, минировали дороги, обстреливали речные военные суда, создавали отряды народной милиции, которые следили за передвижениями вражеских подразделений, сообщая о них партизанским отрядам. Во время третьего этапа отряды патриотов изматывали силы противника частыми обстрелами гарнизонов, во многих случаях вынуждая португальцев покидать укрепления. В Анголе мне довелось наблюдать ночной обстрел отрядом МПЛА форта Каянда. Это был третий обстрел за несколько месяцев 1970 года. После него гарнизон Каянды был спешно вывезен на вертолетах. Часто возникает такая ситуация: местность освобождена от колонизаторов, в деревнях и селах созданы отряды народной власти, а городок, находящийся в центре освобожденного района, превращен португальцами в укрепленный форт. Гарнизон снабжается только по воздуху или, если он стоит у реки, водным путем.

Четвертый этап — захват городов. Если МПЛА и ФРЕЛИМО находятся на третьем этапе борьбы, то ПАИГК осуществляет четвертый. Что же касается возможного решения проблемы предоставления независимости народам Анголы, Гвинеи (Бисау) и Мозамбика мирным путем, то руководители национально-освободительных движений этих стран неоднократно заявляли, что готовы сесть за стол переговоров с португальскими властями. Судя по всему, однако, лиссабонские власти все еще надеются сохранить за собой колонии. Расчет свой они строят прежде всего на помощи стран — членов НАТО. Без натовских гигантских военных поставок Португалия не смогла бы продержаться здесь и нескольких месяцев.

В ноябре 1972 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию, подтверждающую, что национально-освободительные движения в Гвинее (Бисау), Анголе и Мозамбике — законные представители этих стран. Правительствам стран — членам ООН, неправительственным и другим международным организациям рекомендовано решать все вопросы, касающиеся территорий Анголы, Гвинеи (Бисау) и Мозамбика, при непосредственном участии представителей национально-освободительных движений и оказывать их борьбе необходимую моральную и материальную поддержку.

Что касается нашей страны, то Советский Союз с момента возникновения этих национально-освободительных движений оказывает им все виды помощи, он был и остается их верным и искренним другом.

Перед вами фотографии из альбома, выпущенного Африканской партией независимости Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса (ПАИГК). Незамысловатые вроде снимки, незамысловатые сюжеты. Но как давно ждут народы Гвинеи, Анголы, Мозамбика этой «незамысловатости» — обыкновенный прием у врача, обыкновенная школа с обыкновенными партами, досками, книгами! Не только ждут, но и борются: в Гвинее (Бисау) освобождено три четверти территории, в Анголе — около одной трети, в Мозамбике — более четверти. Борьба продолжается, потому-то с необычными для этих стран сценами мирной жизни соседствуют пока привычные, военные: патруль народной милиции, занятия в военно-политической школе, радистка — участница очередной операции и, наконец, мальчишка у осколка напалмовой бомбы, поставленной Португалии странами НАТО...
«Ноу пинча!» — назвала свой альбом ПАИГК. «Ни шагу назад!»

ШКОЛА БРАТСТВА

В. СОКОЛОВ, народный артист СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, профессор

У актеров принято собирать афиши, вырезки из газет и журналов, фотографии. Я еще собираю и значки. Эти маленькие сувениры потом возвращают нас к событиям, в которых приходилось принимать участие, возвращают нас к нашей молодости.

Когда меня попросили рассказать о IV Всемирном фестивале молодежи и студентов, я достал коробку со значками, достал свой фестивальный альбом и словно вновь оказался в Бухаресте.

Фестиваль поднял свои флаги 2 августа 1953 года, а «Вечерняя Москва» еще 23 июня в короткой заметке сообщила, что «в Бухарест едет хор московских студентов под руководством В. Соколова с программой, в которую входят песни многих стран, а также произведения советских композиторов». А вот и фото, на котором стоим мы, все 58 человек, молодые, счастливые, красивые. Все как один без титулов и почетных званий: молодой худенький Марк Решетин, студент первого или второго курса консерватории по классу профессора Любченко. Сегодня он солист Большого театра, народный артист РСФСР. Рядом — Алексей Масленников, ныне заслуженный артист республики, тоже солист Большого театра.

И не только будущие профессиональные певцы запечатлены на этой фотографии. Несколько месяцев назад был я с Московским государственным хором, которым сейчас руковожу, в Новосибирске, и после концерта подходит ко мне мужчина средних лет: «А помните?..» Вгляделся я в его лицо — наш, из хора московских студентов. Вместе были на нескольких фестивалях. Сейчас он работает в Сибирском филиале Академии наук. Вижу я на этой фотографии хормейстера, доцента музыкального факультета Московского пединститута имени Ленина Андрея Кожевникова, доцента Московской консерватории Бориса Тевлина, вижу ныне известных деятелей культуры из других городов страны: Гилария Беляева — дирижера Куйбышевского театра оперы и балета, Генриха Ковалева — заведующего кафедрой пединститута в Краснодаре, Ольгу Тезелашвили — исполнительницу старинных русских романсов, певицу Татьяну Калистратову...

Когда я вглядываюсь в эти юные лица на фотографиях, мысленно прослеживаю их судьбы, вижу, что каждым жизнь прожита не зря. Ведь такие события, как международные фестивали, — это яркая вспышка в биографии, отсветом которой должна быть озарена вся дальнейшая жизнь. Если ты, конечно, человек не равнодушный к происходящему вокруг, а полон эмоций, веселой жажды жизни и работы.

Именно так оно и было. Мне посчастливилось участвовать во всех фестивалях, кроме VII, Венского, и от фестиваля к фестивалю, встречаясь в концертных залах, на стадионах, во время дискуссий с уже знакомыми людьми из разных стран, я наблюдал, как меняются взгляды людей, как жизнь их наполняется новым смыслом. Это относится и к политике, и к искусству.

Когда мы приехали в Бухарест, там, в спортивном зале «Флоряска», еще витал дух III Всемирного конгресса молодежи, который закрылся за три дня до фестиваля. Бухарест был свидетелем замечательного единства чувств и мыслей молодежи земли, ее непреклонной воли бороться за мир и лучшее будущее. Вот одна из газетных вырезок, призыв конгресса: «Объединимся, чтобы защитить право на счастье, право на радость, объединимся, чтобы преградить путь силам зла».

Настроение тех, кто заседал во «Флоряске» до нас, передалось и нам, участникам IV Всемирного фестиваля, а мы, пережив его в себе, укрепили и передали его дух дальше — людям доброй воли во всем мире.

Хор московских студентов произвел на участников Бухарестского фестиваля большое впечатление, и мы завоевали золотую медаль. Специальный приз, что было очень важно для каждого из нас и лично для меня как руководителя хора, который хочет, чтобы искусство было оценено не только специалистами, но и массой народа, любой категорией слушателей, — приз за выразительность исполнения мы тоже увезли с собой в Москву. Нам вручили его за «Зимнюю дорогу» Шебалина, и за «Грёзы» Шумана, и, конечно, за коронный наш номер — «Амурские волны». Можно сказать, этот вальс именно после Бухарестского фестиваля разошелся по всему миру.

Помню вечер, когда мы особенно глубоко осознали, насколько все-таки мы счастливые люди. Пришла в общежитие группа молодых лондонцев, рабочих-певцов. Нам к фестивалю помогала готовиться вся страна: шили нам костюмы, давали площадки для репетиций, обеспечивали всем, что было нужно. Мы принимали все это как должное. Но вот в Бухаресте пришли к нам рабочие парни из Лондона, и мы услышали от них много интересного и странного для нас.

Оказывается, группа молодых талантливых певцов еще за год до фестиваля стала выступать в рабочих кварталах Лондона, чтобы собрать деньги для поездки в Бухарест. Они собрали эти деньги, подготовили небольшую программу и приехали сюда на собственный страх и риск. Пели они очень хорошо. Не было у них отточенного лоска профессионального коллектива, но звучали в песнях подлинное чувство и теплота.

В нашем репертуаре была английская «Песня о молоте» — я взял ее перед фестивалем из какого-то сборника. Представляете, какой восторг вызвала эта песня, когда оказалось, что ее автор — руководитель хора молодых лондонцев... Восторг, слезы и слова благодарности... Англичане подарили нам несколько песен из своего репертуара, наш хор потом разучил их и исполнял много лет. А наши «Амурские волны» услышали рабочие предместья Лондона.

Кстати, во время V, Варшавского фестиваля в парке Лазенки мы уже как старые друзья вновь встретились с руководителем хора молодых английских рабочих и узнали, что снова им деньги на поездку дали предместья Лондона и снова они приехали на фестиваль на свой страх и риск.

В сентябре прошлого года с Государственным московским хором я был на гастролях в Польше. Попали мы на концерт великолепного хорового коллектива — камерного хора города Бухареста. И вот его руководитель Марин Константин, увидев меня в зале, сбежал с эстрады прямо во фраке. Мы обнялись и расцеловались.

Марин Константин, 46-летний маэстро с мировым именем, был во время IV фестиваля помощником дирижера хора бухарестских студентов и хорошо помнит наши дружеские беседы. Несколько раз я с детским хором был в Болгарии и встречался там с участником фестивалей Георгием Робевым, руководителем профессионального хора Софийского радио имени замечательного дирижера и композитора Святослава Обретинова, тоже моего друга по фестивалям. С каждой такой встречей все больше осознаешь себя участником какого-то всемирного братства по оружию, и оружие это — искусство. И я думаю, каждый, кто прошел школу всемирных встреч молодежи — неважно, профессиональным артистом он стал, ученым или инженером, — навсегда останется причастным к великому братству борцов за мир, за свободу и счастье народов земли.

«Этим песням звучать еще долго, потому что это такие песни, которые люди придумывают, когда у них невезуха. А невезуха, понимаете ли, это такая штука, о которой поют громче, чем о ковбойских сапогах и седлах, или о луне над рекой, или о сигаретах, мерцающих во тьме». Вуди Гатри

Что такое народная песня?

Нет двух человек, которые одинаково ответили бы на этот вопрос. Даже солидные справочники расходятся во мнениях. Вот один из них — американский «Словарь народного творчества» Фанка и Уагналса. Там говорится так: «Народная песня должна быть старой, переданной из поколения в поколение людьми, не подверженными влиянию городской культуры. Народная песня не должна обнаруживать каких-либо следов индивидуального авторства».

Но вот однажды одного из самых выдающихся исполнителей блюзов, Большого Билла Брунзи, спросили, можно ли назвать исполняемые им песни народными. «Должно быть, можно, — сказал он, — я что-то не слышал, чтобы их пели лошади». Какое же определение ближе к истине — парадокс Большого Билла или многословное «должна — не должна» авторов словаря Фанка и Уагналса?

Как мне кажется, любая попытка дать точное определение народной музыке заранее обречена на односторонность: гедь всякая формулировка предполагает окончательную завершенность, а народное творчество, в том числе и музыка есть процесс.

Думаю, не ошибется тот, кто скажет, что народная музыка — это не столько определенная группа песен, сколько вековой процесс, в котором люди труда создают свою музыку, прилаживая старые традиции к новым обстоятельствам либо создавая новые традиции.

И если рассматривать народную музыку как процесс, то неизбежно приходишь к выводу, что порой не столько важны слова и мелодия, сколько то, как песня поется и даже как слушается. Потому что народность проявляется не только в самой песне, но и в исполнителе, слушателях, обстоятельствах их жизни. И в этом смысле какой-нибудь живущий в дельте Миссисипи фермер, который зашел к соседу и поет для общего удовольствия последнюю популярную мелодию, возможно, гораздо ближе к народной музыке, чем оперный певец, исполняющий «по правилам» народную балладу в «Карнеги-холл».

«Я не большой любитель этаких красивых песен, ловких, слащавых, аккуратно перевязанных розовой ленточкой... Мне подавай такие песни, которые поются простыми людьми, не музыкантами, людьми, которые не разбираются в нотах, не знают разницы между «до» и «ми», но которые говорят песней то, о чем стоит говорить». Вуди Гатри

Что же такое американская народная песня?

Как всякое народное творчество, она уникальна и самобытна. Но ее уникальность особого свойства: американская народная песня представляет собой сплав музыкальных культур и традиций множества народов, национальностей и даже племен. Пользуясь точным высказыванием С. Маршака о том, что «итальянская прививка привела к рождению английского писателя Шекспира», можно сказать, что евро-афро-латиноамериканская прививка привела к рождению американской народной песни.

Не следует при этом думать, что сказанное относится только ко времени зарождения американской песни. По существу, этот процесс начался в XVI веке, продолжался вплоть до XX и происходит в наши дни. Одним из самых знаменитых американских народных певцов и автором любимейшей народной песни «Кейси Джонс» был Джо Хилл, швед, эмигрировавший в США в 1900 году. Американский негр Гарри Беллафонте, родившийся в Нью-Йорке, но выросший на Ямайке, привез к себе на родину знаменитые калипсо Вест-Индских островов. Так менее двадцати лет тому назад американская народная песня получила еще одну «прививку». В шестидесятых годах в США проникли ритмы бразильской босановы, в результате чего американская народная музыка обогатилась новой краской.

Всякая народная песня — это жизненное наблюдение, рассказ о том, что с человеком происходит, что он видит, думает, чувствует. Говоря об американской народной песне, мне хотелось бы отметить, что ведущим ее подтекстом, пожалуй, всегда является протест. Трудно дать исчерпывающее объяснение, почему так случилось. Тут можно говорить и о влиянии песен негров-рабов. Об иносказательном протесте спиричуэлс и об открытом — блюзов. О несомненной роли песен тех, кто, уверовав в миф об «американском чуде», волнами накатывали на каменистые берега Америки — и разбивались в кровь. О песнях борьбы рабочего класса Америки, особенно того периода, когда зарождались первые профессиональные союзы. Точнее говоря, сама жизнь, жестокая, трудная, вынуждающая американца зубами цепляться за «место под солнцем», — именно эта жизнь и породила протестующий дух американской народной песни.

«Каждый человек — певчая птица. Сегодня он поет лучше, чем вчера, потому что он узнал немножко больше, увидел что-то новое...

Тот, кто пишет песни на заказ, напоминает мне ворону, которая сидит на заборе, разоряясь при всем честном народе о счастье, пока кто-то отпиливает ей ногу». Вуди Гатри

Вплоть до недавнего времени народная песня бродила по Америке, обходя большие города. Туда ей не было доступа. Не будучи «товаром», она игнорировалась крупными фирмами грамзаписи, радио и телевидением. По существу, многие городские жители США и не знали о ее существовании. «Пережив довольно непродолжительное увлечение поп-музыкой, — рассказывает Пит Сигер, — я обнаружил, что в моей стране есть хорошая музыка, которую не услышишь по радио. Отец мой, фольклорист, взял меня на фестиваль танца жителей гор, и я был очарован народной музыкой. Мне нравились резкие, звонкие голоса певцов, темпераментные танцы. Слова песен содержали в себе всю полноту человеческих переживаний. Их юмор был с перчинкой и небанален. Их грусть была подлинной, а не сентиментальной.

По сравнению с ними большинство популярных песен 30-х годов показались мне слабыми и глупыми, с этими их бесконечными «бэби, бэби, как ты мне нужна». Это был давно известный способ убедить людей, что им живется хорошо».

Отношение горожан к народной песне резко изменилось с начала 60-х годов. Причиной тому была совокупность обстоятельств. Закончилась длившаяся чуть ли не полтора десятилетия затхлая ночь маккартизма. Людям стало легче дышать. Пробудилось самосознание чернокожих американцев, и они во весь голос заявили о своих гражданских правах. Их поддержали белые друзья, ко-

ешь. Что ты никому не нужен. Никчемный. Потому что ты либо слишком толстый, либо слишком худой, слишком стар или слишком молод, слишком то или слишком это. Песни, которые тебя мордуют или издеваются над тобой за то, что тебе не везет, не светит тебе.

Я буду драться против таких песен до последнего моего вздоха, до последней капли крови.

Я буду петь такие песни, которые докажут тебе, что это твой мир, даже если он бил тебя, валил с ног, прокатывался по тебе катком. Кто бы ты ни был, какого цвета, роста, телосложения — я буду петь такие песни, от которых ты начнешь гордиться собой и своей работой. И песни, которые я пою, большей частью придуманы самыми обыкновенными людьми, примерно такими, как ты сам».

«Сочинить народную песню — все равно что родить ребенка. Сделать можно и то и другое, но притвориться, будто ты сделал это, — значит никого не обмануть, кроме самого себя».

Вуди Гатри

Итак, в 60-е годы урбанистическая Америка вдруг открыла для себя способ самовыражения, который существовал давно, никогда не исчезал, но был скрыт от ее ушей приторно-слащавыми мелодиями «Тин Пэн Элли» [1]. Этим способом самовыражения стала народная песня.

Казалось бы, чего можно добиться пением? И тем не менее в условиях развернувшейся в Америке борьбы за гражданские права и за прекращение войны во Вьетнаме народная песня, мгновенно реагирующая на события дня и точно выражающая умонастроения людей, несомненно, оказалась силой, с которой не считаться нельзя.

Вклад народной песни в развитие американского движения протеста 60—-70-х годов не выразить в граммах или метрах. Но вполне ясно, что голоса демонстрантов, распевающих вместе со своим запевалой Питом Сигером его знаменитую песню «Все преодолеем!», не могли не быть услышаны в Белом доме. А отрядам полицейских не раз приходилось отступать от ворот блокированных студентами университетов, откуда неслось предостерегающее: «Мы непоколебимы! Как дерево, растущее у воды, мы непоколебимы!.. Черные и белые — вместе, мы непоколебимы!..»

Если бы народная песня не была страшна реакционным элементам США, то как можно объяснить те меры, которые предпринимались и предпринимают-

---

[1] *Буквально: «Аллея жестяных сковородок». Так называется район в Нью-Йорке, где сосредоточены фирмы, выпускающие поп-музыку.*

торые уже успели убедиться, что понятия о добре и зле, прививаемые им с детства, на деле ложь и фарисейство.

И наконец, непрекращающаяся, несмотря на небывало массовый протест, война во Вьетнаме... Все это вместе взятое требовало выхода для чувств — и здесь протестующий дух американской народной песни оказался как нельзя более кстати. Буквально за два-три года народная песня, скромно отсиживавшаяся до тех пор в Америке деревенской, проникает во все углы и закоулки университетских «кампусов», пробивает себе дорогу в города — цитадели поп-музыки. Разумеется, дельцы от музыки мгновенно оценили потенциал этого явления. Трудно сказать, сколько миллионов долларов было заработано за последнее десятилетие на «фолк-буме». Но важно все-таки не это.

Важно то, что при всей коммерциализации народной музыки она ни на йоту не изменила себе, не стала изнеженной и благополучной, не утеряла своего, быть может, самого ценного качества: независимости.

Благодаря ей многие американцы впервые призадумались о своем прошлом и будущем. Благодаря ей миллионы американцев узнали себя в самом народном из народных певцов Америки — Вуди Гатри. Этот «ржавоголосый Гомер», как называет его Пит Сигер, родился в 1912 году в штате Оклахома. За период между 1932 и 1952 годом он сочинил больше тысячи песен, вошедших в сокровищницу американской народной музыки. Бродяга, скитавшийся по всей Америке, он пел для бездомных и безработных, для шахтеров и лесорубов, для битых и перебитых. Его кредо лучше всего выражено им самим: «Я ненавижу песни, которые говорят тебе, что ты никуда не годишься! Я ненавижу песни, которые убеждают тебя в том, что ты родился для проигрыша. Что обязательно проигра-

«Все! Конец работе, шабаш!» Так говорят, когда в работе образовывается перерыв — Он веселится, пляшет и, конечно, поет. О чем поет? Да

ся ими с целью выхолостить ее содержание? Почему тогда стараются купить самых знаменитых ее исполнителей сказочными гонорарами от продажи пластинок, обещанием выступлений по телевидению, требуя от них лишь одного: более «лояльных» слов? Убедительным примером подобных попыток «редактирования» народных песен может быть следующая история. Песня «Эта страна — моя страна, эта страна — твоя страна», написанная Вуди Гатри, нашла себе постоянное место в сердцах простых людей Америки. Однако ее подтекст — Америка, со всей ее красотой и богатством, должна принадлежать народу — явно не устраивал тех, кто не без основания считает себя хозяевами страны, — капиталистов. В 1968 году один из богатейших членов чикагского «Экзекьютив клаб» (в него входят только представители большого бизнеса) выразил пожелание на страницах журнала «Рэмпартс», что не плохо бы дополнить эту песню куплетом: «Хоть у меня небольшой клочок земли, но он мне принадлежит не меньше, чем крупные владения богатым» — и добиться его распространения.

Попытка распространить этот текст потерпела провал. Более того, в ответ родился новый куплет, автор которого неизвестен: «Высокий забор стоял, чтобы не пускать меня. И на нем здоровенными буквами: «Частная собственность». Но с другой стороны ничего не было написано. Эта сторона — наша с тобой».

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Лучше один раз услышать, чем сто раз прочесть.

Сколько бы я ни писал об американской народной песне, слова никогда не заменят собой ее звучания. Поэтому моей целью было лишь помочь читателю ощутить роль, которую играет американская народная песня сегодня, смысл ее второго рождения, силу ее и, быть может, существо, которое выражено, как мне кажется, наиболее точно в словах, начертанных на банджо Пита Сигера: «Этот инструмент убивает ненависть».

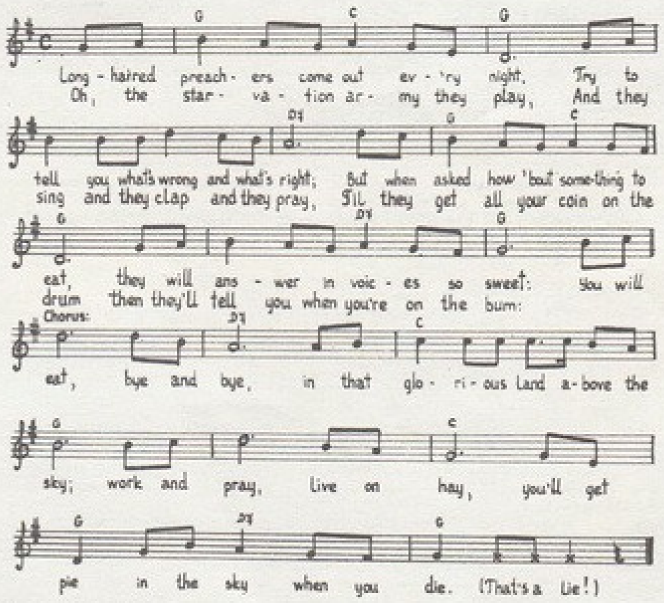
В Америке недавно вышла книга народных песен, собранных Вуди Гатри. И хотя верно, что «изображение» народной песни на бумаге не есть сама песня и, напечатанная в книге, она схожа с фотографией птицы, схваченной на лету, — ведь птица была в движении до того, как щелкнул затвор, и будет продолжать двигаться после этого, — нельзя не почувствовать, что песни этого сборника «идут из самого нутра рабочего человека» и будут звучать «от края до края по всей Америке и через сотни лет после того, как музыкальные автоматы свезут на свалку».

С одной из таких песен, наиболее популярной в Америке, мы хотим вас познакомить. Слова ее написаны Джо Хиллом. Перевод сделан Т. Сикорской.

В. ПОЗНЕР

Хлеб в раю

Проповедники с гривой до плеч
о добре и о зле держат речь,
но спроси в черный день их совет,
и такое услышишь в ответ:
«Корку хлеба свою
ты получишь у господа в раю,
а пока не помрешь,
и работой за грош проживешь!»
Здесь спасения Армия есть,
но не жди, что спасут тебя здесь!
До полушки тебя оберут
И такое с молитвой наврут:
«Корку хлеба свою...»
Есть святоши, что гимны поют
и в ладоши старательно бьют.
«Жертвуй деньги, — кричат, — через нас,
чтоб Христос в трудный час тебя спас!»
«Корку хлеба свою...»
Если ты ради блага семьи
день и ночь тратишь силы свои,
«Жалкий грешник! — святоши вопят. —
Угодишь ты прямехонько в ад!»
«Корку хлеба свою...»
Нам, рабочей семье мировой,
надо слиться в союз боевой
и, богатством земли овладев,
фарисеям пропеть свой напев:
«Знай, что хлеба кусок
тот получит, кто сам его спек!
Спину чаще погнешь —
значит, слаще поешь и попьешь!»

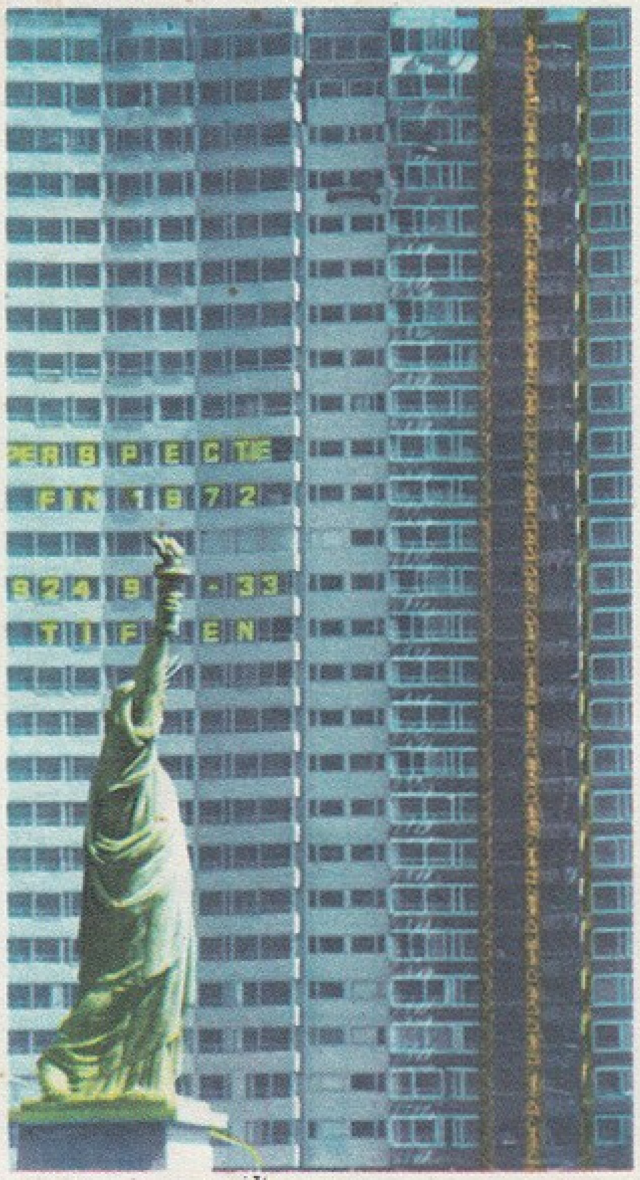
Holy Rollers and Jumpers come out
And they holler, they jump and they shout:
«Give your money to Jesus», they say,
«He will cure all diseases today».
If you fight hard for children and wife
Try to get something good in this life,
You're a sinner and a bad man, they tell,
When you die you will sure go to Hell.

Workingmen of all countries, unite
Side by side we for freedom will fight,
When the world and its wealth we have gained
To the grafter we will sing this refrain:

Хор:
You will eat bye and bye
When you've learned how to cook and to fry.
Chop some wood, 'twill do you good,
And you'll eat in the sweet bye and bye.

или на один вечер, или на целый выходной. Все! Конец работе, он отдыхает! все о той же работе. Она ведь, как жизнь, всегда при тебе, и кончаются они вместе...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что это такое? Конечно, знаете! Странно было бы не узнать знаменитую статую Свободы и не менее знаменитые небоскребы. Итак?

Правильно — это... Париж. На переднем плане — статуя Свободы, созданная скульптором Бартольди, ее копия в 1886 году установлена в Нью-Йорке. На фоне статуи — почти что копия американских небоскребов, возведенных французскими архитекторами.

Я ВАМ ПИШУ...

Увы, не всем мужчинам-читателям мы можем рекомендовать познакомить своих подруг с этой заметкой. Дело тут вот в чем...

За последние 20 лет англичанин Кен Хелливелл написал своей жене 6 тысяч любовных писем. Он рассказывал о своих чувствах на роскошной мелованной бумаге, он посылал поцелуи на гостиничных счетах и рисовал собственное пронзенное сердце на случайных обрывках... Вы хотите резюме столь трогательного постоянства? Пожалуйста: жена Кена считает эти письма своим самым большим сокровищем.

Вообще о любовной переписке можно составить объемистую монографию, состоящую из таких примерно разделов:

Кто доверяет свои чувства бумаге? Результаты недавнего исследования, проведенного в английских городах Шеффилде, Ливерпуле, Ньюкасле, показали, что к «нежной литературе» более других склонны жители далеко не фешенебельных кварталов. (Заметим в скобках, что первую премию получило любовное послание, составленное холостяком.)

История вопроса. Истории известны имена выдающихся людей, бывших не менее выдающимися авторами любовных писем. Среди них — писатель Бернард Шоу, император Наполеон, адмирал Нельсон. (У адмирала в письме к леди Гамильтон есть такая строка: «Мыслью своею я всегда устремляюсь только к Вам и французскому флоту».)

Взгляд в будущее. Недавно последняя профессиональная составительница любовных писем во Франции Элизабет Марлскот объявила, что расстается со своей подвижнической деятельностью и переходит к более прибыльному делу — писанию любовных романов. «Моя 15-летняя карьера, — заявила Э. Марлскот, — убедила меня в том, что в наши дни чувства мельчают».

Конечно, заметим мы уже без скобок, мнение специалистов надо уважать, но как не снять шляпу перед чувством безвестного юноши, умудрившегося переслать любовное послание своей невесте Элен Кармбелл с помощью воздушного шара! (Дело было во время забастовки почтовиков.) Или перед пылким женихом шведки Ивон Густавсон, чьи чувства едва уместились на 600-метровом полотнище! (См. фото.) Не говорит ли это о том, что влюбленные любители любовных писем просто не хотят доверять столь тонкое дело рукам холодных профессионалов?!

ИГРУШКИ КИТТИ

Китти Робертс три с половиной года. Но девочку редко увидишь с плюшевым мишкой или куклой. Ее любимые игрушки — живые слоны, выдрессированные отцом, владельцем цирка. Слоны платят своей маленькой хозяйке такой же любовью и выполняют все ее капризы. Когда же Китти отправляется гулять, они дружно, помахивая от удовольствия хоботами, следуют за ней.

ВДОГОНКУ ЗА ПЕТРОМ

Одна из главных достопримечательностей Копенгагена — Рюндертарн («Круглая башня»). Ее построил в 1642 году ученик известного датского астронома Тихо Браге, дабы наблюдать за небесными светилами.

С течением времени 36-метровая башня, понятно, утратила славу самого высокого сооружения в городе, но интерес к ней датчан и гостей столицы отнюдь не убавился, ибо здесь уже пятый год проводится традиционный «башенный велокросс». Датские велосипедисты состязаются в узких, напоминающих лабиринт коридорах, проходя эту карусель за минуту и меньше. Забавно, что старт этим соревнованиям, по существу, дал не кто иной, как Петр I. Находясь в 1716 году в столице Дании, он решил получше рассмотреть Копенгаген, для чего и въехал на самый верх Рюндертарн в карете, запряженной четверкой вороных.

ПОЛИТИКА. Репортер газеты «Дейли ньюс» Джон Моугтон, решив доказать, что продажа огнестрельного оружия в США практически ничем не ограничена, заполняя бланк для покупки пистолета, в графе «Цель» поставил: «Совершение политического убийства». Через пару месяцев он получил от одного из торговцев оружием предложение приобрести пистолет более совершенной конструкции.

*

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ. В двадцать первом округе Вены лишь недавно последний дом получил ток. До этого в квартирах горели газовые рожки, лестницы освещались керосиновыми лампами, хозяйки гладили чугунными утюгами, мужчины брились обычными бритвами. О том, что век на дворе двадцатый, напоминали лишь транзисторные приемники.

КУМИР В КОРОТКИХ ШТАНИШКАХ

«Такого еще не бывало», — говорят англичане, когда речь заходит о новом английском певце Ниле Риде. А ведь англичан, как известно, по части звезд поп-музыки трудно удивить. Появившись на телевизионных экранах всего несколько месяцев назад, этот двенадцатилетний школьник занял второе место среди наиболее популярных певцов года. Его концерты проходят с неизменным аншлагом в лондонском «Палладиуме», а недавно ему был вручен приз «Серебряная пластинка» за 250 тысяч дисков с записью одной песни, раскупленных с молниеносной быстротой. Не исключено, что Нила ждет мировая слава, однако кто поручится, что его не постигнет участь Робертино Лоретти, чей талант так безжалостно эксплуатировали бизнесмены от музыки?

ОПТИМИЗМ И КОЛОССЕУМ

«Когда падет Колизей, тогда и Рим падет; когда падет Рим, тогда и мир падет» — именно так красиво и лихо говорили когда-то в I веке н. э. древние, не скрывая своего оптимизма по поводу прочности «Колоссеума» — «Колоссального». И вот известие: Колизей разваливается. Только с марта по октябрь 1972 года н. э. с его стен упало 30 блоков килограммов по 180 каждый...

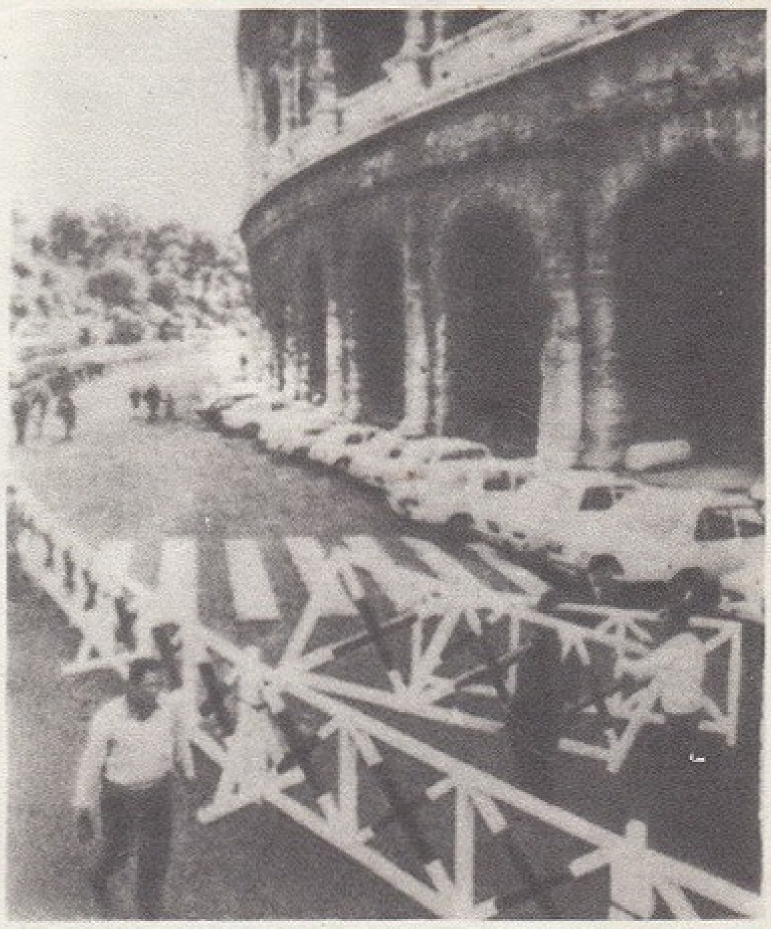
Колизей — это монументальный амфитеатр, арена, стадион, цирк. Это 156 метров ширины, 188 метров длины, 48,5 метра высоты. Это 80 арок в каждом из трех этажей и коринфские пилястры на четвертом этаже. Это 50 тысяч зрителей; это уже ставшие мифами бои гладиаторов и нероновские показательные морские сражения (для этого деревянный пол арены опускался). Не говоря уж о могущественной красоте этого сооружения...

Колизею противостояло Время. Не только усталостью и дряхлением, которые оно несет, не только солнцем, дождями и ветром, не только землетрясениями, но и легкомысленной алчностью и гордыней людей, которые строили свои дворцы, вынимая камни из тела Колизея. 200 тысяч автомобилей ежедневно проносятся мимо Колизея — это вибрация. Каждые 10 минут под Колизеем гудит земля — это идет поезд метро.

«Колизей не падает. Просто старик приболел и нуждается в лечении», — именно так по-свойски и буднично выразился один из тех, кто ответствен за сохранность «Колоссеума». И этой фразе нельзя отказать ни в оптимизме, ни в трезвости оценки состояния дел.

Вопрос в одном: кто оплатит больничный лист? Римский муниципалитет? К сожалению, именно Риму среди всех городов Италии — но по части долгов — можно приписать все тот же эпитет — «колоссальный».

Пока же Колизей оградили от прохожих и туристов деревянным барьерчиком...

ВСЕ ДЛЯ АВТОКЕНТАВРА!

Известный американский публицист-социолог Ванс Пакард выпустил недавно новую книгу «Страна чужих», в которой дает удручающую картину разобщенности людей в буржуазном обществе, одним из показателей которой считает пристрастие американцев к жизни на колесах. 40 миллионов американцев, или $^1/_5$ населения страны, по меньшей мере раз в год меняют домашний адрес.

На появление нового автокентавра первым откликнулся бизнес. Именно в расчете на его вкус были организованы такие весьма странные учреждения, как «телефонный друг», кинотеатры, где фильмы смотрят, не вылезая из машин (их называют «драйв-ин»), а также «драйв-ин» кладбища, «драйв-ин» церкви. Прихожанину теперь нет нужды отклоняться от маршрута, здесь же, у шоссе, к его услугам всевышний. Служба транслируется через громкоговорители. Исповедь (включая прегрешения на ниве правил уличного движения) священник примет, склонившись к окошку.

МАСТЕР БОЛЬШИХ ПОЛОТЕН

Дело было не простым: 28 месяцев понадобилось американскому художнику Кристо, чтобы: а) добиться согласия властей, б) выбить 700 тысяч долларов из благотворительных фондов различных компаний, в) спроектировать, г) наконец, установить занавес в колорадском ущелье Райфл. Когда занавес был опущен, все присутствующие сказали: «Ах как красиво!» — излив таким образом бальзам на душу художника, причисляющего себя к адептам новейшего «лэнд-арта», то есть «земельного искусства».

Через 28 часов после описанного момента налетел ветер и сорвал всю «красоту». «Ну что ж, — заметил философски художник, — так даже интереснее». Не исключено, что Кристо при этом имел в виду вот что: раз занавес теперь поднят, значит, сезон художеств продолжается...

СОЦИОЛОГИЯ. Результаты проведенных в ФРГ исследований показали, что стоит людей, привыкших ежедневно смотреть телевизор, лишить этого удовольствия, как у них появляются нарушения нервной системы. Отлученные от телевизоров, они вначале охотно посещают кино и театры, читают книги, но спустя некоторое время неизменно бросаются к телеэкранам.

*

ЛИНГВИСТИКА. По мнению французских ученых, наиболее употребляемыми словами сто лет назад были: любовь, страсть, женщина, мода, сердце, фривольность, рента. В наш атомный век чаще слышишь слова: автомобиль, скорость, женщина, война, луна, наркотики, атом, политика. И только на девятом месте стоит «любовь».

Наша

ХОСРОУ ШАХАНИ,
иранский писатель

В нашем городе на центральной площади испокон веку возвышалась двадцатипятиметровая кирпичная башня. О происхождении ее ничего определенного известно не было, однако, судя по бойницам в верхней части, некогда она исполняла оборонительные функции. Через глубокое отверстие внизу башни храбрые защитники поднимались на крышу и давали отпор врагу. В наше время отверстие с успехом использовалось в качестве уборной.

В многочисленных пробоинах свили гнезда голуби, и городские ребятишки лазили туда поглядеть на птенцов. Кроме того, башня служила хорошим ориентиром для приезжих. Одним словом, мы настолько привыкли к ней, что не представляли своего города без ее силуэта.

И вот в один прекрасный день у подножия башни появились какие-то люди: толстый бородатый господин в темных очках и несколько худосочных мужчин в шортах цвета хаки. Их сопровождал сам губернатор! Бородач, заложив руки за пояс, прохаживался взад и вперед, бросая на ходу какие-то замечания, которые аккуратно записывали его спутники.

Слух о том, что к нам приехали иностранцы и в окружении начальства осматривают башню, молниеносно разнесся по городу. Любопытная толпа хлынула в центр, чтобы, не дай бог, не пропустить чего-нибудь важного, хотя раньше никому и в голову не приходило глазеть на башню. Казалось, свершилось чудо и башня выросла из-под земли всего лишь полчаса назад! Когда очкастый бородач, которого все называли профессором (как позже выяснилось, он и в самом деле был профессор), бросал взгляд на обломанные зубцы, все разом задирали головы. Когда же профессор приблизился к башне и поковырял ее пальцем, мы, к сожалению, не смогли повторить этот опыт, поскольку полиция оцепила достопримечательность плотным кольцом. Зато когда приезжие удалились, мы обследовали каждый кирпич. Ничего особенного мы, увы, не обнаружили. Кирпич как кирпич.

Но чем был все-таки вызван переполох?

— Говорят, Дарий, убегая от Александра Македонского, зарыл под башней свои драгоценности, — утверждали одни.

— Нет, нет, — перебивали другие, — под башней похоронен кто-то из потомков имама. Он явился во сне к господину профессору и потребовал причитающихся почестей.

Короче говоря, мы долго судили и рядили, что заставило приехать всех этих важных и ученых господ в наш город. Большинство склонялось к тому, что под башней зарыт клад. Той же ночью неизвестные лица перекопали все вокруг, но ничего не обнаружили. На вторую ночь продолжали копать. На третью городские власти поставили вокруг башни вооруженную охрану.

Так прошел месяц. В одно прекрасное утро по всему городу появились объявления за подписью губернатора: «Благородные и самоотверженные граждане! Поскольку охрана исторических памятников, свидетельствующих о нашем славном

Славная реликвия

Рассказ

прошлом, — долг каждого честного человека, губернаторство пригласило международную археологическую экспедицию, которая, осмотрев нашу башню, обнаружила, что она является древнейшим памятником эпохи пророка Даниила. Все мы обязаны приложить максимум усилий к охране этого шедевра. По этому поводу в городском банке открыт счет за № 608804. Просьба ко всем согражданам по мере сил и возможностей вносить деньги на указанный счет для ремонта и содержания славной реликвии наших предков».

Башня отныне стала пользоваться уважением. Никто уже не помышлял использовать ее в качестве помойки или уборной. Не успевал на башню сесть приблудный голубь, как все принимались орать «кыш», а то и кидаться головными уборами. Кроме того, преисполнившись чувства национальной гордости, каждый житель внес посильную сумму на банковский счет памятника.

Теперь, проходя мимо башни, мы смотрели на нее нежно, а приезжавших гостей немедля вели любоваться ею. Словом, мы проникались все большим и большим уважением к себе и к нашей башне.

Наконец приступили к ремонту. Тут же выяснилось, что собранных патриотами средств не хватает. По городу вновь были расклеены объявления, в которых сообщалось, что, поскольку средств, собранных на восстановление Триумфальной башни (так ее стали величать) не хватает, по решению генерал-губернатора, начиная с сегодняшнего дня, сахар подорожает на два риала, хлеб — на три, а керосин и бензин — на четыре риала. Все эти меры носят временный характер, и сразу же по завершении ремонта башни цены на продукты будут восстановлены.

— Ничего не попишешь! — рассуждали мы. — Вопрос восстановления башни — это вопрос престижа. Придется затянуть пояса потуже.

На следующий день наш мясник повысил цену на мясо на три риала.

— В чем дело? — заинтересовались мы. — Ведь про мясо в постановлении сказано не было.

— А вы что хотите, чтобы я втридорога платил за хлеб, сахар и керосин, а свой товар отдавал даром?!

Естественно, тут же вздорожала квартирная плата, хотя зарплата осталась без изменений. Но зато у кого еще есть такая достопримечательность?

Когда ремонт башни наконец завершился, было создано специальное учреждение для надзора за древним памятником. Отныне каждому, кто хотел взглянуть на реликвию, надлежало раскошеливаться на два риала.

Затем с каждого прибывающего в наш город, а также убывающего из него стали взимать по пять риалов, вручая взамен квитанцию с фотографией славного памятника. «На ремонт и охрану Триумфальной башни» — гласила надпись.

Честное слово, башня превратилась для нас в сущее наказание! Но что поделаешь? В конце концов, башня наша национальная гордость...

Слава о Триумфальной башне разнеслась по всем уголкам страны. Отовсюду съезжались туристы, дабы полюбоваться ею. Из-за колоссального наплыва подскочила плата за гостиницу. Базарные торговцы, не желая отставать от других, взвинтили цены на те товары, цена на которые еще не была взвинчена. Когда мы пытались торговаться, они отвечали: «Мы в карман к вам не лезем — не хотите, не покупайте! Воля ваша!» И мы действительно не покупали. Покупали туристы...

Вскоре по городу пронесся тревожный слух, что Триумфальная башня осела. Мы по нескольку раз в день ходили смотреть на нее и задумчиво качали головами. Тревога особенно возросла, когда из центра прибыла комиссия археологов, заявившая, что, если не будут приняты экстренные меры, неповторимая достопримечательность нашего города в ближайшее время развалится. Были вызваны специалисты. Они прикинули на глазок, сколько потребуется дополнительных средств. Одна комиссия сменяла другую. Результат? По городу снова были расклеены объявления, извещающие, что для восстановления Триумфальной башни самоотверженные и благородные граждане обязаны за каждый лишний метр жилплощади платить по 20 риалов. Постановление было подписано губернатором.

Тут уже было не до шуток! Ладно, Триумфальная башня досталась нам от предков и насчитывает много веков. Но почему мы должны за все это расплачиваться?! Где теперь нам, несчастным, добывать ежемесячно эти 300—400 риалов? Деньги ведь мы не печатаем! Золотой рыбки в бассейне у нас тоже не водится! Как же быть?

Пораскинув мозгами, мы решили пойти к губернатору и так прямо и сказать. Не нужна, мол, нам эта башня с ее славой! Можете забирать ее себе!

В губернаторстве нам пообещали, что решение местных властей будет пересмотрено. Но уже на следующий день выяснилось, что несколько человек из особо недовольных были задержаны и с них взяли подписку в том, что протестовать они больше не будут. Делать было нечего, пришлось заплатить за шесть месяцев вперед...

Но и это было не все: на нас ополчилась сама природа — в нашем городе произошло землетрясение. Мало того что многие дома оказались разрушены, выяснилось, что и реликвия дала трещину!

Снова по просьбе властей к нам прибыли археологи и составили смету на ремонт. Мы уже покорно готовились к самому худшему, но тут один из членов комиссии — пошли, аллах, ему здоровья! — вдруг определил, что башня вовсе не такая древняя и возведена не при пророке Данииле, а каких-то 80 лет назад. Профессор-востоковед (имелся в виду бородач в очках) просто перепутал местонахождение башни пророка.

На нас словно вылили ушат холодной воды. Все учреждения и комиссии, все должности, связанные с башней, были упразднены, и вскоре наша реликвия обрела свой первоначальный вид. Трещины на ней с каждым днем увеличивались, сама она все больше и больше кренилась набок, и вновь вокруг нее бродили бездомные собаки.

Единственно, что осталось, это налоги и пошлины. Цены, взвинченные в связи с наплывом туристов, также сохранились.

Интересно, удалось ли бородатому археологу отыскать новую Триумфальную башню?

Перевел с персидского Дж. ДОРРИ

Рис. В. Чижикова

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21/XII 1972 г. Подп. к печ. 29/I 1973 г. А00312.
Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2.
Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2430.
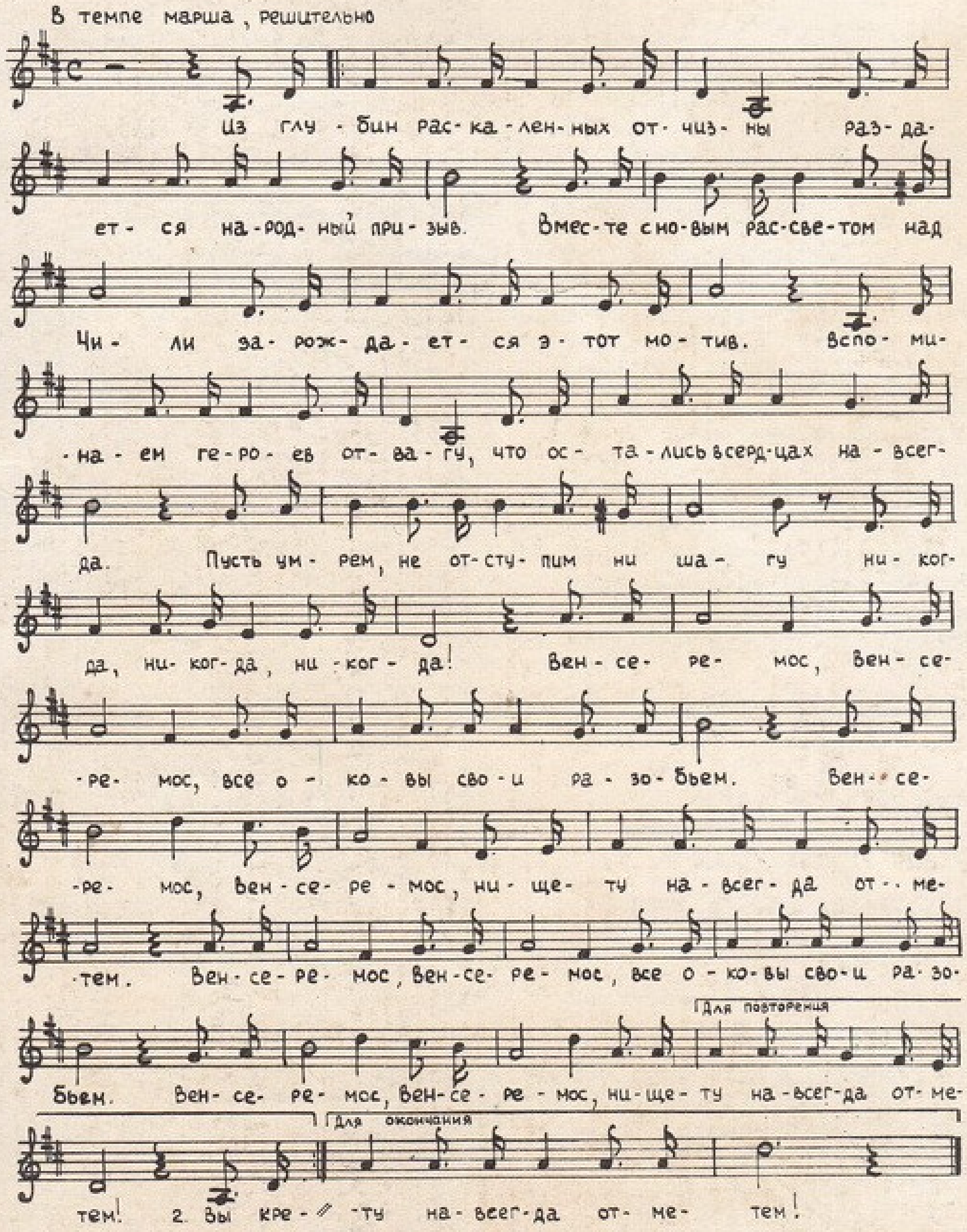
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

СТО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК —
СТОЛЬКО ВМЕЩАЕТ СТАДИОН
СТОЛИЦЫ ЧИЛИ САНТЬЯГО.
СТО ТЫСЯЧ ПОЮТ «ВЕНСЕРЕМОС!»

ВЕНСЕРЕМОС!

Музыка Серхио ОРТЕГА
Слова Клаудио ИТУРРА
Аранжировка Д. БОГОЛЕПОВОЙ
Русский текст Г. СПЕРСКОГО

Вы, крестьяне, солдаты, шахтеры,
Ты, чилийская женщина-мать,
Все, кто учится, служит в конторах, —
Сообща будем долг выполнять.
Новой славой отчизну овеем,
Чтобы социализм утвердить.
Мы в Народном единстве сумеем
Победить, победить, победить!

Сто тысяч радостных, возбужденных и решительных людей вместе. Много? Но именно столько вместил Национальный стадион в Сантьяго в день второй годовщины прихода к власти блока Народного единства. Чаша полна, а людской поток, вливающийся через ворота стадиона, по-прежнему нескончаем. Идут рабочие и служащие, студенты и домохозяйки. Идут в потертых блузах металлисты, в касках — строители, в форменных фуражках — таксисты, в ярких малиновых рубашках — чилийские комсомольцы.

После гула приветствий, после взволнованных речей над стадионом звучит:

— А теперь «Венсеремос!» — гимн Народного единства!

Легкое движение проходит по стадиону. Это люди поднимаются с мест, чтобы встать во весь рост плечом к плечу. Проходит еще несколько секунд, и голоса ста тысяч людей сливаются в единый, могучий хор. Это голос революции — бодрый и оптимистичный, грозный и неумолимый. Это поют — настал их день! — шахтеры из Лоты, горняки Чукикаматы, портовые грузчики Токапильи и Антофагасты. Это поют компаньеро президент Сальвадор Альенде и Генеральный секретарь компартии Луис Корвалан, председатель единого профсоюзного центра Луис Фигероа и министры народного правительства...

С того дня я храню текст боевого гимна Народного единства. Когда я слышу его, в памяти всегда возникает тот великолепный стотысячный групповой портрет, портрет самой чилийской революции. Сейчас текст гимна перед вами: «Венсеремос!» — «Мы победим!»

Г. СПЕРСКИЙ

Цена 20 коп. Индекс 70781